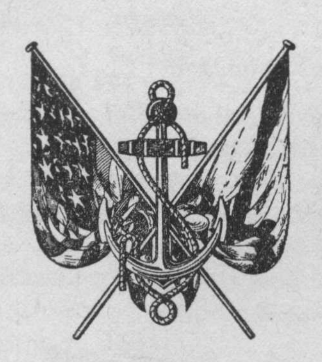
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

THE NAVAL RECORDS.

Томъ III. № 3.

Volume III. № 3

Изданіе Общества
бывшихъ Русскихъ Морскихъ
Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.
Нью-Іоркъ.

Published by
the Association of Former
Russian Naval Officers
in America, Inc.
New York.

1945

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ. Подъ Редакціей Ст. Лейт. С. В. Гладкаго. 3604 Бродвей, Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS.

Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc. Serge V. Glad, Editor. 3604 Broadway, New York, N. Y.

Vol. III. № 3. Issued to members. Price $.1 a copy. September, 1945

Содержаніе:

Contents:

Лейтенантъ В. Н. Совинскій.

I.

ДУША КОРАБЛЯ.

(посвящается памяти дорогихъ соплавателей, погибшихъ на крейсерѣ "Пересвѣтъ").

Тропики... Жарко... Идемъ Индійскимъ Океаномъ въ полной боевой готовности. Съ борта ни одного огонька. Въ каютъ-компаніи всѣ иллюминаторы задраены на броневыя крышки. Визжатъ вентиляторы... Воздухъ накаленъ такъ, что даже "пеперминтъ" со льдомъ не освѣжаетъ.

Обѣдъ законченъ... Перешли въ кресла подъ свѣтовой люкъ, откуда, черезъ пріоткрытую щелку, закрытую темнымъ флагомъ, чуть тянетъ вечерней прохладой. Разговоръ не клеится.

Изъ люка доносится придавленный голосъ вахтеннаго боцманмата Самойлова:

— "Говорю Вамъ, робята, есть у него душа. Какъ окрестятъ корабь при спускѣ, такъ енъ и живетъ. Если другой какой погодя тоже имя носитъ, такъ та-же душа въ его перебирается и живетъ, хоча триста лѣтъ ей".

Мы невольно прислушались. Молодой матросъ, повидимому, мало убѣжденный Самойловымъ, задаетъ ему каверзный вопросъ, какъ быть съ "Полтавой" переименованной теперь въ "Чесму". Чья душа въ ней: старая ли "Полтавы" или замѣнена теперь душой "Чесмы", "али обѣ вмѣстѣ".

Звонокъ изъ каюты Старшаго Офицера, вызывающаго вахтеннаго, лишилъ насъ возможности услышать какъ вышелъ изъ труднаго положенія Самойловъ. Разговоръ невольно перешелъ на затронутую тему.

Лейтенантъ Кузнецовъ, спасенный съ потопленнаго "Эмденомъ" крейсера "Жемчугъ", всегда настроенный нѣсколько мистически, горячо становится на защиту мнѣнія Самойлова.

"Господа, не смотрите такъ легко на эти вопросы. Я утверждаю, что есть что-то, что намъ съ вами не понять. Почему "Новику" всегда не везетъ? Почему "Маріи" обязательно тонутъ? Почему Генморъ не рискуетъ больше называть корабли "Русалкой"? Нельзя отрицать что-либо только потому, что законы математики и физики не даютъ прямыхъ объясненій нѣкоторымъ явленіямъ. Что-то есть... И Самойловъ можетъ быть правъ, подойдя къ этому вопросу попросту: дали имя — появилась и душа".

Третій день реветъ штормъ.

Стоимъ въ Портъ-Саидѣ. Законченъ ремонтъ механизмовъ, нѣсколько размотавшихся за длинный переходъ изъ Японіи.

Ждемъ приказанія итти на Мальту.

Сегодня моя очередь стоять "собаку" (вахта съ 12-ти до 4-хъ час. ночи). Выхожу наверхъ... Дождь... Пронизывающій вѣтеръ.

Лейтенантъ Смиренскій, сказавъ, что канаты плохо держатъ, (сосѣдъ "англичанинъ" за его вахту "наваливалъ" разъ пять), командиръ не спитъ и каждые полъ-часа выходитъ наверхъ, однимъ словомъ, "все благополучно", радостно юркнулъ внизъ въ люкъ.

Глаза понемногу привыкаютъ къ темнотѣ. Вырисовывается высокобортный сосѣдъ англичанинъ.

Осмотрѣвъ канаты и обойдя корабль, возвращаюсь на ютъ.

— "Кто на вахтѣ?"

Голосъ изъ темноты: "Самойловъ, Ваше Высокородіе".

Самойловъ молодчина, старый боцманматъ, видавшій виды, то, что называется надежный человѣкъ. За всѣмъ присмотритъ, во время все доложитъ.

— "Что, Самойловъ, мокро?"

— "Такъ точно Ваше Высокородіе, мокровато малость".

Обычно послѣ такого вопроса, показывающаго, что оффиціальная часть закончена, Самойловъ начиналъ "разговоръ".

Ночной разговоръ на вахтѣ особенный. Его не опишешь. Это то, что Станюковичъ называлъ "лясничаньемъ". Чего, чего въ немъ только нѣтъ. Въ немъ воспоминанія о старыхъ плаваніяхъ и забота о своемъ кораблѣ и глубочайшая философія простого человѣка. Разговоръ, въ которомъ забывался подчиненный и начальникъ, но въ которомъ оставалась чутьемъ, какая-то грань старшаго и младшаго; гдѣ зналось, что можно сказать и вспомнить, а что нельзя. Разговоръ, который воспитывалъ душу матроса, а подчасъ и офицера и который создавалъ ту спайку между составомъ корабля, о которой, къ сожалѣнію, такъ мало слышалъ отъ береговыхъ жителей.

Но сегодня Самойловъ "разговора" не заводитъ. Чувствуется, что есть что-то, что заботитъ его, но о чемъ онъ высказаться не рискуетъ.

Вахта въ свѣжую погоду летитъ быстро. Вотъ пробило шесть склянокъ... Вотъ семь...

Вдругъ слышу сзади шопотъ Самойлова:

— "Ваше Высокородіе, а Ваше Высокородіе".

— "Что тебѣ Самойловъ"?

— "Ваше Высокородіе, а Вы знаете, что я Вамъ доложу. "Старикъ" не хочетъ иттить въ Средиземку!"

Отъ неожиданности не понимаю въ чемъ дѣло.

— "Что ты чушь городишь! Какой "Старикъ?"

— "Да нашъ Старикъ. "Пересвѣтъ" нашъ".

— "Вотъ тоже выдумаешь. Откуда ты взялъ?"

— "Никакъ нѣтъ не выдумалъ. Сами посудите. Прислали изъ Балтики лучшихъ ахфицеровъ, а изъ Владивостока вышли — на камни сѣли. Въ Японіи въ докъ вошли — на что опытные инженеры, сколько разъ его сажали, а тутъ посадили такъ, что котлы покривились. Лишній мѣсяцъ въ доку простояли. Опять же въ Суецѣ, въ каналѣ, лоцмана, поди, по тридцать лѣтъ служатъ, всякій корабь проводятъ, а нашего поперекъ поставили такъ, что ни взадъ, ни впередъ. Сколько возиться пришлось, чтобъ снова въ каналъ войти. Помяните мое слово, Ваше Высокородіе, не хочетъ "Пересвѣтъ" иттить въ Средиземку".

— "Вотъ что Самойловъ, ты эту дурь изъ головы выкинь, не равно кто изъ молодыхъ матросовъ услышитъ, только смутишь людей".

— "Точно я не понимаю", обидѣлся Самойловъ. "Развѣ я матросу этакую штуку скажу. Слава Богу, сколько лѣтъ служу на флотѣ. Въ Балтикѣ на "Павлѣ" плавалъ. Я Вамъ первому докладываю".

— "Ладно, но ужъ пусть будетъ и послѣднему. Все это, братъ, фантазіи. Выдумалъ ты душу въ кораблѣ, а затѣмъ пошелъ плести и дальше. Пойми ты: — желѣзо, какая же душа въ желѣзѣ."

— "Желѣзо то желѣзо — это мы понимаемъ. Да только въ емъ жисть есть. Вотъ господинъ штурманъ девіацію компасовъ уничтожалъ, все магниты подкладывали. Говорили вліянія желѣза корабля выравнивали. А развѣ въ мертвюмъ вліянія есть? Не иначе какъ живой енъ. А Иразъ живой, такъ обязательно и душа въ емъ".

— "Хочешь - вѣрь, Самойловъ, хочешь - не вѣрь — дѣло твое. Но мой тебѣ совѣтъ — держи языкъ за зубами, а то попадешь ты, братецъ въ передрягу. Скажутъ, что трусишь и команду мутишь. И кончится карцеромъ, какъ пить дать. А теперь иди, буди смѣну. Поговоримъ какъ-нибудь потомъ.

Къ сожалѣнію поговорить съ Самойловымъ о душѣ корабля пришлось мнѣ при исключительныхъ обстоятельствахъ.

На слѣдующій день пришло распоряженіе сняться съ якоря и итти на Мальту.

Въ 4 час. 30 мин. дня, 22-го Декабря ст. стиля, "Пересвѣтъ" вышелъ изъ Портъ-Саида.

Штормъ нѣсколько стихъ. Дождя нѣтъ, но зыбь сильная и, выйдя за молъ, заскрипѣлъ крейсеръ старыми боками, окутываемый волнами.

На верхней палубѣ чисто. Все лишнее убрано. У орудій очередная смѣна. Поданы снаряды для первыхъ залповъ. Идемъ въ районѣ дѣйствій нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, а потому все наготовѣ.

Горнисты сыграли повѣстку. Черезъ пятнадцать минутъ бу-

деть спускъ флага (заходъ солнца).

Не успѣлъ вахтенный офицеръ скомандовать: "Горнисты внизъ", какъ оглушительный взрывъ потрясъ корабль. Передъ глазами всталъ огненный столбъ выше мачты. Трескъ лопающагося желѣза... Снова взрывъ, вѣрнѣе два сливающіеся вмѣстѣ, еще сильнѣе чѣмъ первый...

Корабль сразу осѣлъ носомъ и медленно началъ ворочать влѣво.

Быстро токаютъ пушки одна за другой, но ихъ звукъ кажется такимъ слабымъ послѣ рева взрывовъ.

Подводной лодки не видно, стрѣляемъ по заранѣе установленному прицѣлу, съ разсчетомъ, что при расставленныхъ вѣеромъ орудіяхъ, какой-либо удачный выстрѣлъ утопитъ невидимую лодку.

Проходитъ минуты двѣ. Горнистъ на переднемъ мостикѣ играетъ "Прекратить огонь". Стрѣльба смолкаетъ.

Въ насъ попало двѣ мины. Одна въ носовую часть подъ десяти-дюймовую башню, вызвавшая детонацію носовыхъ бомбовыхъ погребовъ, вторая въ среднюю кочегарку.

Корабль кренится все больше и больше на лѣвый бортъ. Справимся-ли?

Слышу какъ докладываютъ старшему офицеру, что носовая переборка, отдѣляющая носовой отсѣкъ, не выдержала давленія воды и лопнула, что вся батарейная палуба въ огнѣ, въ жилую палубу люки захлопнулись, трапы попадали и люди изъ многихъ отсѣковъ выйти не могутъ.

Старшій офицеръ, Старшій Лейтенантъ Михаилъ Михайловичъ Домерщиковъ, бросается внизъ и находу кричитъ мнѣ взять людей изъ кормовой башни и попытаться открыть люки въ кормовыхъ отсѣкахъ.

Черезъ машинный люкъ съ четырьмя комендорами пытаемся пройти внизъ, но здѣсь огонь такъ бушуетъ, что не проскочить. Быстро выскакиваемъ обратно и черезъ каютъ-компанію пробираемся въ жилую палубу. Темно... Электричество погасло. Комендоръ ощупью включаетъ заранѣе, на этотъ случай размѣщенные аккумуляторные фонари. Вотъ люкъ въ кормовую динамо-машину. Въ такія минуты работа спорится. Секунда — и люкъ поднятъ.

— "У динамы, ходи наверхъ проворнѣй!"

Бѣжимъ къ слѣдующему. Затѣмъ въ сосѣдній отсѣкъ. Здѣсь уже распоряжается Лейтенантъ Кузнецовъ.

— "Какъ дѣла, Николай Александровичъ?"

— "Кончаемъ. Если увидите Михаила Михайловича, скажите, что въ батарейной палубѣ пожаръ едва ли удастся потушить. Донки воду не подаютъ, а огнетушителями не справиться. Тамъ остался Лейтенантъ

Ивановскій. Я приказалъ, на всякій случай, затопить кормовые бомбовые погреба".

Старымъ путемъ возвращаемся обратно. Пробѣгая черезъ каютъ-компанію, заглядываемъ въ дверь ведущую въ батарейную палубу. Картина не забываемая.

"Пересвѣтъ" - старой конструкціи. На немъ батарейная палуба безъ переборокъ отъ носа до юта. Отъ взрыва носовыхъ погребовъ, огненный клубъ прокатился по палубѣ до переборки каютъ-компаніи и зажегъ все. Удивительно, - деревянная палуба не горитъ. Огонь только лизнетъ ее и опадаетъ. Горитъ только желѣзо, вѣрнѣе краска на желѣзѣ. Потушить безъ воды безнадежно, а воды нѣтъ — отъ взрыва испортился трубопроводъ.

Выскакиваемъ наверхъ.

Носъ крейсера уже совсѣмъ въ водѣ. Высоко задралась корма. Нѣтъ, - не спасти корабль. Вотъ, вотъ повалится на бортъ и, конецъ.

На кормовомъ мостикѣ Командиръ корабля, Капитанъ 1-го ранга Ивановъ Тринадцатый, спокойно, не даромъ за "Рюрикъ" въ Японскую войну получилъ Георгіевскій Крестъ, отдаетъ приказанія. Рядомъ съ нимъ, съ мегафономъ въ рукѣ Старшій Офицеръ.

Команда на ютѣ. Полная тишина. Инженеръ-механикъ Дацунъ съ двумя унтеръ-офицерами, вытаскиваетъ спасательные пояса изъ кормовой рубки и раздаетъ командѣ. Матросъ Желѣзняковъ, загребной съ моего катера, видя, что я еще безъ пояса, быстро снимаетъ свой и предлагаетъ мнѣ. Отказываюсь.. Желѣзняковъ настаиваетъ. Изъ затруднительнаго положенія выручаетъ боцманъ, неслышавшій предварительнаго разговора.

— "Желѣзняковъ, сукинъ сынъ, ты что поясъ снялъ! Не слышалъ команду — пояса одѣть! Придешь завтра ко мнѣ въ отдыхъ мѣдяшку чистить".

— "Желѣзняковъ быстро надѣваетъ поясъ. Невольно улыбаюсь. Боцманъ вѣренъ себѣ, у него нѣтъ исключительныхъ случаевъ. Пока кресйеръ на водѣ — есть завтра, есть и чистка мѣдяшки...

Не въ этомъ ли весь смыслъ дисциплины. Не изъ-за этого ли полный порядокъ на кораблѣ. Люди знаютъ что дѣлать. Нѣтъ ни страха, но нѣтъ и храбрости, ибо какая же храбрость тамъ, гдѣ не исполнить приказанія нельзя. Воля одна — она тамъ, на мостикѣ, откуда спокойно раздается голосъ Командира.

— "По гребнымъ судамъ, гребные суда къ спуску".

Засвистали дудки унтеръ-офицеровъ. Быстро разбѣгается команда.

Трудно спускать шлюпки когда качаетъ, а качаетъ здорово. Бортъ "Пересвѣта" высокій, отведетъ на качкѣ шлюпку въ сторону, не удержатъ крючковые матросы, а держать то за гладкое желѣзо надо,

съ размаху ударитъ о бортъ и — летятъ внизъ щепки и люди.

Мой гребной катеръ № 1. Много труда и заботъ вложено въ него. Гребцы какъ одинъ.

Вотъ вываленъ уже за бортъ на шлюпбалкахъ.

— "Тали потравливай".

Медленно поползъ катеръ внизъ. Шибановъ, сибирякъ, косая сажень въ плечахъ, цѣпляясь за каждый обушокъ, не даетъ катеру отвалиться отъ борта. Вотъ уже у самой воды... Ловлю моментъ — "раздернуть тали". Вижу Суходоловъ держитъ руку слишкомъ близко къ блоку.

— "Суходоловъ, тра....та....та, руку гдѣ держишь?"

— "Есть Ваше Высокородіе".

— "Тали раздернуть".

Крикъ Суходолова.... Двухъ пальцевъ нѣтъ - втянуло таки въ блокъ.

Домерщиковъ, съ мостика, кричитъ въ мегафонъ:

— "Вячеславъ Николаевичъ, садитесь скорѣе - отходите".

Но вѣтеръ искажаетъ фразу и я ее понимаю какъ — "садитесь скорѣе, если хотите". Если хочу. Конечно, хочу, но развѣ уйдешь съ тонущаго корабля безъ прямого приказнія.

— "Голабурда, отваливай. Смотри береги катеръ".

— "Есть Ваше Высокородіе, будьте покойны".

Въ секунду весла разобраны и ощетинившійся катеръ лихо вывертывается на волнѣ.

— "Поднимай весла выше", командуетъ старшина шлюпки унтеръ-офицеръ Голабурда.

Чую, что этотъ дѣло знаетъ — не выдастъ.

И не выдалъ — вѣдь школа старая. Всю ночь держался Голабурда подъ веслами на катерѣ и, подбирая людей изъ воды, доставлялъ ихъ на подошедшіе черезъ нѣсколько часовъ французскіе тральщики. И только на разсвѣтѣ, убѣдившись, что больше дѣлать нечего, сдалъ иностранцамъ полузалитый катеръ съ проломаннымъ бортомъ. Много народу обязано ему своей жизнью.

Къ сожалѣнію это была единственная шлюпка дошедшая до воды, остальныя спустить — Богъ не попустилъ. Слишкомъ сильно качался крейсеръ.

"Пересвѣтъ" уже совсѣмъ лежитъ на лѣвомъ борту. Спокойно, увѣренно раздаются съ мостика слова Командира.

— "Командѣ на ютъ". "Командѣ раздѣться". "Прыгай за бортъ". "Отплывай дальше". "У борта не держись".

Старшій офицеръ медленно спускается съ мостика. На крейсерѣ остались одни офицеры. На мостикѣ - одинъ Командиръ.

— "Ну что же, Господа", въ шутливой формѣ говоритъ Старшій

офицеръ М. М. Домерщиковъ, "пожалуйте купаться".

Сажусь на полупортикъ шестидюймовой пушки. Оглядываюсь вокругъ — ни дымка. Солнце выйдя изъ за тучъ послѣднимъ краюшкомъ, закатывается за горизонтъ.

Всего лишь 14 минутъ съ момента перваго взрыва. А вѣдь кажется прошли часы.

Прыгать жутко. Но изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. Отталкиваюсь сильнѣе ногами и лечу. Ушелъ подъ воду... Пытаюсь рѣзкими толчками остановить уходъ на глубину. Безумно давитъ барабанную перепонку. Закрадывается паническій страхъ, въ ту ли сторону выгребаю. Наконецъ свѣтлѣе. Наверху.... Саженками подальше отъ борта.... Отплываю саженей 20 и оборачиваюсь.

Крейсеръ тонетъ. Вотъ рѣзко ушелъ внизъ носъ, высоко поднялась корма и подъ крики "ура" плавающей въ водѣ команды, ушелъ въ глубину нашъ старикъ "Пересвѣтъ", на вѣчный покой.

Много дряни говорятъ нынчѣ про старыхъ матросовъ, много береговыхъ жителей съ усмѣшкой говорятъ о былыхъ порядкахъ нашего славнаго Флота.

А вѣдь этого "ура" не забудешь. Кричать "ура" утопая — не заставишь.

Значитъ было что то въ Русскомъ Флотѣ, что заставляло матросовъ спасать своихъ офицеровъ и кричать "ура" уходящему въ воду Андреевскому Флагу. Нѣтъ, не пьяный матросъ на берегу и не убійца своего офицера въ первые дни революцій, есть выразитель порядковъ Русскаго Флота. А вотъ именно эти 14 минутъ, отъ взрыва и до приказанія "Прыгай за бортъ" и тѣ часы въ водѣ, когда каждый за себя, а Богъ за всѣхъ...

Темно... Пошелъ дождь... Плыву медленно, стараясь сохранять силы на дольшее время. Рядомъ группа матросовъ. Слышу разговоръ:

"Чортъ его дери, — дождь идетъ".

"А тебѣ не все равно", отвѣчаетъ второй голосъ, "вѣдь въ водѣ".

"Такъ то оно такъ, да все же при звѣздахъ веселѣе".

Понемногу волнами раскидываетъ людей. Вотъ я уже одинъ... Додержусь ли до разсвѣта. Вспоминаю, что по разсказамъ "очевидцевъ", утопающій долженъ вспоминать всю свою жизнь. Рѣшаю, что я не утопающій. а значитъ до утра додержусь, ибо ни одно воспоминаніе въ голову не лѣзетъ.

Думаешь лишь объ одномъ, какъ бы встрѣтить набѣгающую волну такъ, чтобы гребень не накрылъ бы; какъ бы поменьше наглотаться воды; какъ бы дольше сохранить силы.

Холодно... Зубы начинаютъ стучать... Скоро ли разсвѣтъ.

Кажется, что уже прошла вѣчность...

Вдругъ огонекъ... Вглядываюсь... Все ближе, ближе... Прожекторъ щупаетъ воду. Кто то подошелъ. Замѣтятъ ли. Вотъ прожекторъ забѣгалъ опять. Вотъ онъ на мнѣ. Спасенъ. Начинаю махать рукой, кричать какъ изступленный. Прожекторъ соскочилъ. Ушелъ въ сторону... Жутко... Не замѣтили...

Плыть или не плыть на огонекъ. Поплывешь - потеряешь зря силы..., а корабль отойдетъ. Ругаю себя, что кричалъ. Кто же услышитъ въ штормъ на нѣсколько сотъ саженей. Только воды наглотался зря.

Нѣтъ, надо сохранять спокойствіе, только въ немъ спасеніе. Медленно съ волною спускаюсь къ огнямъ. Молодчина тральщикъ, хорошо всталъ подъ вѣтромъ. Плыть легко... Вотъ уже совсѣмъ близко. Не выдерживаю и перехожу на саженки. Полнымъ ходомъ къ борту... А то вдругъ уйдетъ подъ самымъ носомъ.

Замѣтили... Кидаютъ конецъ. Хватаю, наматываю на руку, тащутъ... Чортъ, - лечу внизъ: конецъ лопнулъ. Ударило о бортъ, оттолкнуло, еще разъ ударило. Рука шаритъ по гладкому борту... Пронесетъ подъ корму - конецъ навсегда. Случайно попадаю пальцемъ въ какой то обушекъ на борту. Держусь такъ, что скорѣе руку вырветъ изъ плеча, чѣмъ отпущу палецъ. Наверху увидѣли. Быстро летитъ штормъ-тралъ внизъ. Кто то хватаетъ за шиворотъ. Судорога свела палецъ, не могу оторваться. Чувствую, что французъ уже самъ еле держится, вотъ, вотъ, бросить меня и нѣтъ силъ выпустить обушекъ. Дѣлаю послѣднее усиліе воли и — оказываюсь на палубѣ французскаго тральщика.

Какъ пріятно выкурить папиросу!... Какъ хорошо жить!...

Захожу въ каюту. На койкѣ лежитъ человѣкъ. Кожи нѣтъ. Обгорѣлъ начисто. Рядомъ съ нимъ, только что вытащенный изъ воды нашъ докторъ Семеновъ. Спрашиваю: "Кто?" Семеновъ отвѣчаетъ: "Самойловъ".

Склоняюсь надъ бѣднягой:

— "Какъ дѣла Самойловъ?"

Шевелятся бѣлки глазъ, что то шепчутъ губы.

Наклоняюсь ближе и скорѣе догадываюсь по губамъ, чѣмъ слышу: "не хотѣлъ "Пересвѣтъ" иттить въ Средиземку"...

Тихо на кладбищѣ. Англійскій караулъ, опустивъ винтовки дулами внизъ, скрестивъ руки на прикладахъ и склонивъ головы на грудь, отдаетъ послѣднюю почесть русскому воину.

Жалобно выводитъ горнъ тихія ноты вдали. Двадцатъ третій гробъ умершихъ отъ ранъ опускаемъ въ могилу. Три залпа рѣзко раз-

рываютъ воздухъ. Послѣдній салютъ... По людямъ ли? Или быть можетъ — по душѣ корабля?

Лейтенантъ В. Совинскій.

Примѣчаніе редакціи: Эскадренный броненосецъ "Пересвѣтъ" построенъ въ 1901 г. на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ въ С. Петербургѣ.

Водоизмѣщеніе — 12,674 т., скорость хода — 18 узл., артиллерія: 4 — 10 дм., 12 — 6 дм. и 20 — 75 мм. орудій. Минное вооруженіе — 5 минныхъ аппаратовъ.

Почти сразу по окончаніи постройки "Пересвѣтъ" ушелъ на Дальній Востокъ въ составъ нашей Тихо-океанской эскадры и во время Японской войны, находился въ Портъ-Артурѣ, гдѣ базировались главныя силы.

Затопленный, передъ паденіемъ крѣпости, на внутреннемъ рейдѣ, "Пересвѣтъ" былъ японцами поднятъ, отремонтированъ и подъ названіемъ "Сагами" вошелъ въ составъ японскаго флота. Въ 1916 г. Россія пріобрѣла его вмѣстѣ съ крейсеромъ "Варягъ" и линейнымъ кораблемъ "Чесма" (старое названіе "Полтава") и вновь подъ Андреевскимъ флагомъ корабли вышли изъ Владивостока въ Архангельскъ для образованія эскадры защиты Мурманскаго побережья и Бѣлаго моря. Отрядъ благополучно дошелъ до Портъ-Саида, гдѣ "Пересвѣтъ" нѣсколько задержался переборкой машинъ.

"Чесма" и "Варягъ" подъ флагомъ контръ-адм. Бестужева-Рюмина уходятъ дальше одни, торопясь не затягиватъ похода.

Большую отвѣтственность взялъ на себя Начальникъ отряда, поведя "Чесму и "Варяга" прямо на пересѣчку Средиземнаго моря, не считаясь съ обычно рекомендованными курсами, контролируемыми англо-французскими тральщиками и дозорными судами и... прошелъ вполнѣ благополучно.

"Пересвѣтъ" же, въ то время, изъ за слабости бронированія и малаго калибра крупной артиллеріи, зачисленный въ составъ флота крейсеромъ, гибнетъ вскорѣ по выходѣ изъ Портъ-Саида на германской минѣ, идя рекомендованнымъ союзнымъ командованіемъ фарватеромъ.

Въ 1917 году лѣтомъ въ Портъ-Саидъ изъ Парижа, спеціально для разслѣдованія причинъ гибели "Пересвѣта", отбыла Комиссія подъ предсѣдательствомъ контръ-адм. С. С. Погуляева, въ составѣ старш. лейт. С. Л. Левицкаго и еще двухъ офицеровъ.

Разслѣдованіемъ былъ совершенно точно установленъ фактъ гибели корабля не отъ самодвижущейся мины (торпеды), а на минномъ полѣ, поставленномъ, повидимому, германскимъ подводнымъ за-

градителемъ, что было обнаружено немедленнымъ траленіемъ мѣста гибели "Пересвѣта" на слѣдующее же утро послѣ катастрофы.

"Опять англичане намъ напортили", сказалъ адм. Погуляевъ, узнавъ при разслѣдованіи, что англичанамъ извѣстно было о присутствіи въ юго-восточной части Средиземнаго моря германскихъ подводныхъ заградителей, появившихся въ этомъ раіонѣ всего за нѣсколько дней до гибели, но на "Пересвѣтъ" свѣдѣній объ этомъ дано не было.

Изъ 167 погибшихъ чиновъ личнаго состава корабля, море вернуло трупы только одного офицера и 22 матросовъ, которые и были похоронены на православномъ кладбищѣ въ Портъ-Саидѣ.

Интересны дополнительныя свѣдѣнія, приведенныя журналомъ "Часовой" въ № 41, 15 октября 1931 г.:

"Временно поставленный на братской могилѣ памятникъ съ годами пришелъ въ ветхость и вотъ по мысли членовъ русской колоніи Портъ-Саида, при энергичномъ участіи и помощи сына адмирала Старицкаго (завѣдующій механической частью въ Управленіи по эксплоатаціи Суэцкаго канала), памятникъ былъ возобновленъ и торжественно освященъ 16 августа 1930 г. въ присутствіи старшины русской колоніи полк. Собріевскаго, членовъ колоніи и представителей бывшихъ союзниковъ".

---

† КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЕЩИЛОВЪ.

Біографическій очеркъ.

К. А. Вещиловъ родился въ С.-Петербургѣ 15-го Мая 1878 г.

Рано почувствовавъ влеченіе къ изученію русской церковной старины и, въ частности, иконописи, К. А., еще почти юношей, отправляется въ Валаамскій монастырь.

Настойчиво и съ глубокимъ интересомъ вникаетъ К. А. въ детали стиля русской старинной живописи и многое къ развитію своего таланта выноситъ именно изъ Валаама, откуда и поступаетъ въ Академію Художествъ.

И. Е. Рѣпинъ, среди плеяды талантливыхъ своихъ учениковъ, выдѣляетъ К. А. не только какъ любимѣйшаго, но и какъ "личнаго ученика".

У И. Е. Рѣпина, К. А. жилъ два года и, покойный маститый профессоръ помогалъ обработкѣ таланта К. А. чѣмъ только могъ, видя въ К. А. Вещиловѣ какъ бы своего замѣстителя въ отображеніи русской исторической старины.

Въ 1904 г., К. А. окончивъ Академію съ золотой медалью, получаетъ двухъ годичную командировку въ Римъ.

Въ это время официальный художникъ Морского Министерства В. В. Верещагинъ гибнетъ вмѣстѣ съ адм. С. О. Макаровымъ на эск. броненосцѣ "Петропавловскъ".

В. В. Верещагинъ, самъ морской офицеръ въ своемъ прошломъ, работавшій въ 80-ыхъ, 90-ыхъ и 900-ыхъ г.г. по заказамъ Министерства параллельно съ Тайнымъ Совѣтникомъ Иваномъ Константиновиемъ **Айвазовскимъ**, дѣйств. статск. совѣтн. Алексѣемъ Петровичемъ **Боголюбовымъ** и скульпторомъ коллежскимъ совѣтн. Михаиломъ Осиповичемъ **Микешинымъ** *) не легко могъ быть замѣщенъ.

Вотъ съ этого момента вниманіе Морск. Министерства обращается на молодого лауреата Академіи Художествъ К. А. Вещилова, которому и поручается выполненіе отдѣльныхъ заказовъ Адмиралтейства.

Одной изъ первыхъ работъ К. А. для Флота была картина: "Прорывъ крейсеровъ "Аскольдъ" и "Новикъ" въ бою у Шантунга 28 іюля 1904 г." Затѣмъ слѣдуетъ большой заказъ по росписи вестибюля Адмиралтейства: "Уходъ эскадры вице-адм. З. П. Рожественскаго."

Портретъ К. А. Вещилова въ эти годы, за работой для Министерства и репродукціи обоихъ первыхъ его полотенъ здѣсь и помѣщаются.

Въ 1908 г., въ С. Петербургѣ за картину "Стенька Разинъ", К. А. получаетъ юбилейную премію въ 2,000 рублей и золотую медаль. Въ тотъ же періодъ его полотно: "Осенняя веранда на Капри"—пріобрѣтается для Музея Академіи Художествъ.

Въ 1910 г., "Протопопъ Аввакумъ" — приноситъ К. А. первую премію по Исторической живописи.

Въ 1912 г. "Неожиданный пріѣздъ", пріобрѣтается Президентомъ Академіи Художествъ Вел. Княгиней Маріей Павловной.

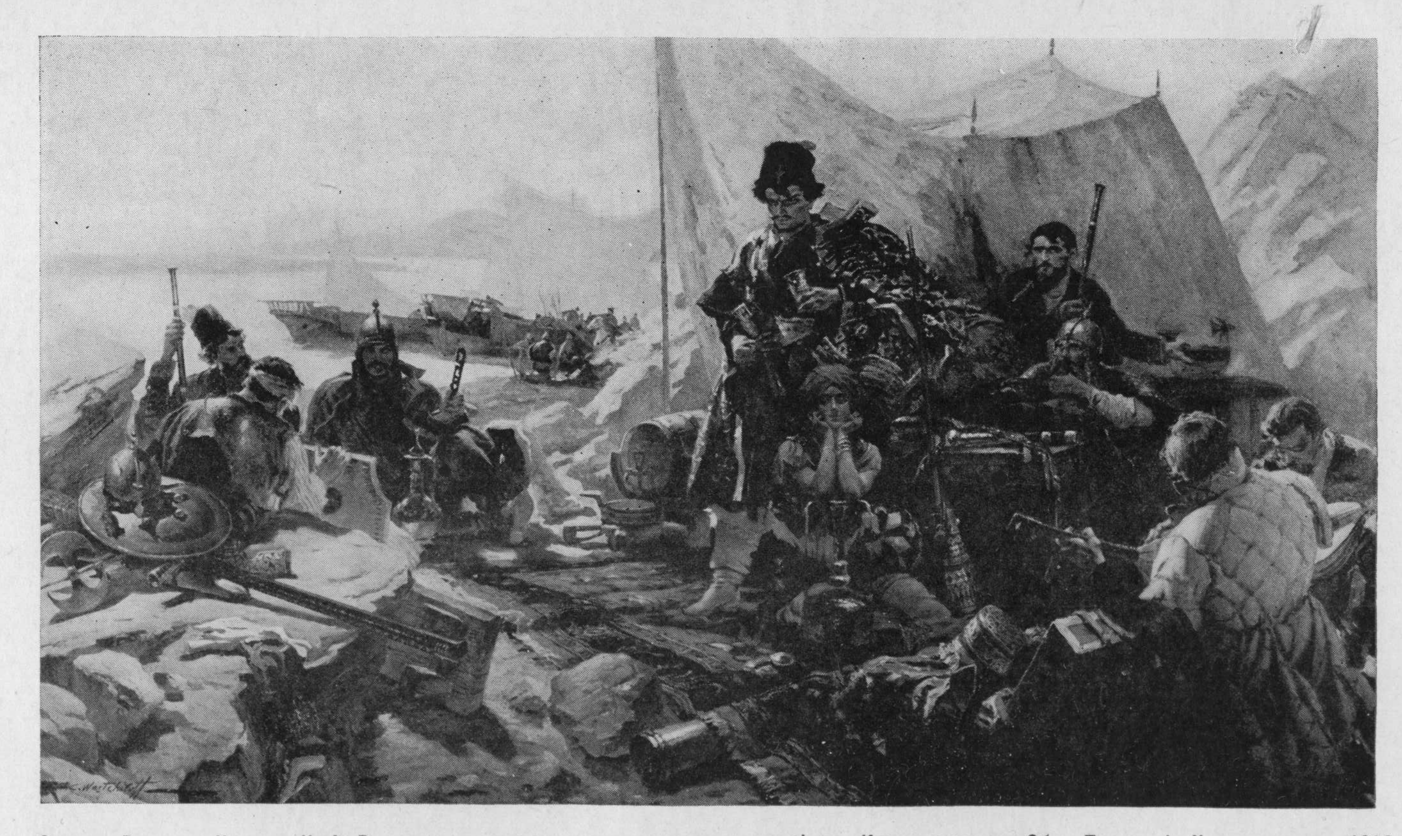
Въ томъ же году, полотно "Начало конца" (Наполеонъ со скачущей рядомъ съ нимъ смертью) даетъ К. А. Вещилову - 1-ую премію исторической живописи въ Обществѣ Поощренія Художествъ. Картина пріобрѣтена Н. П. Глясе.

Наконецъ, "Капри", въ 1913 г. опять даетъ К. А. 1-ую премію въ О-вѣ Поощренія Художествъ. За этотъ періодъ времени наиболѣе цѣнны и извѣстны: "Бѣлая ночь". " (Двѣ баржи въ мглѣ сѣверной ночи). Писана въ 1902 г. еще до полученія К. А. званія художника.

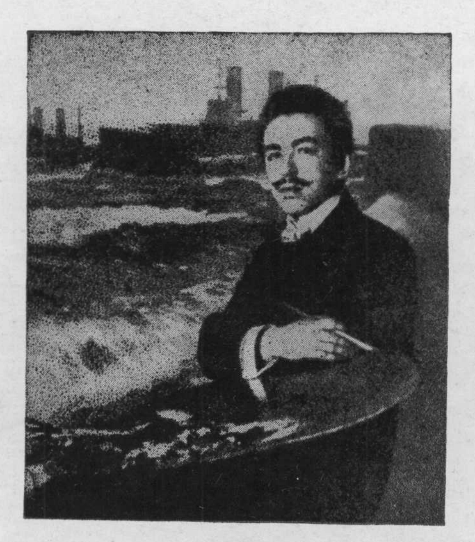
Далѣе слѣдуютъ: "Москва 1699 г.", "Новгородскій Кремль 1650 г." (пріобрѣтена О. И. Мысликъ), "Первая встрѣча"—была собственность Н. Д. Ершова; но послѣ разгрома въ октябрѣ 1917 г. была красными продана въ Америку. "Водопой" (Зима. Двѣ лошади, каж-

---

*) См. «Памятная кн. личнаго состава Флота и М. Мин. на 1889 г.

«Стенька Разинъ». Картина К. А. Вещилова, за которую художникъ, на конкурсѣ въ Императорскомъ Общ. Поощренія Художествъ, въ 1903 году, получилъ первую премію (золотая медаль и 2000 рублей).

Художникъ К. А. Вещиловъ. Род. въ 1878 г. Поступилъ въ Акад. Худ. въ 1898 г., окончилъ курсъ въ 1904 г. и былъ посланъ за границу для продолженія образованія. На конкурсѣ въ Имп. Общ. Поощренія Худ. въ 1908 г. получилъ первую премію за картину «Стенька Разинъ».
По фот. авт. «Нивы».

Прорывъ крейсера I ранга «Аскольдъ» 28 іюля 1904 г. въ Желтомъ морѣ. (Пожаръ японскаго крейсера «Асама»)
Картина **К. А. Вещилова** («Первая Осенняя Выставка» 1906 г. въ С. Петербургѣ), авт. «Нивы»

дая запряжена въ розвальни, пьютъ воду изъ сруба на окраинѣ деревни , "Тишина", "Мечтатель", (въ частной коллекціи Н. Д. Ершова) и, конечно, очень много другихъ.

Цѣлый рядъ этихъ крупныхъ личныхъ успѣховъ и талантливое выполненіе К. А. Вещиловымъ морскихъ заказовъ приводятъ къ приглашенію К. А. на службу по Морскому Министерству.

Особенно К. А. былъ оцѣненъ адмираломъ И. К. Григоровичемъ и со вступленіемъ послѣдняго на постъ Морского Министра, К. А., съ 22 ноября 1911 г. зачисляется на дѣйствительную службу по Морскому Министерству. — 22-го ноября 1912 г. получаетъ чинъ титулярнаго совѣтника, 14-го апрѣля 1913 г. награждается орденомъ Анны 2-й степени, минуя всѣ младшіе ордена, а къ концу 1916 г. получаетъ высокую награду — орденъ Владиміра 4-ой степени. Зачисленіе К. А. Вещилова офиціальнымъ художникомъ Флота и Морского Министерства было окончательнымъ признаніемъ таланта его, какъ достойнаго замѣстителя такъ трагично погибшаго маститаго В. В. Верещагина. Семь лѣтъ, съ 1904 г. по 1911 г. эта должность оставалась вакантной, хотя цѣлый рядъ художниковъ и работалъ по заказамъ флота.

Такова была общая связь К. А. Вещилова съ флотомъ и Морскимъ Министерствомъ. Пришла революція и отняла у Россіи любимѣйшаго "личнаго" ученика И. Е. Рѣпина, лишивъ К. А. Вещилова возможности развить шире и глубже врожденный талантъ въ отображеніи русской исторической старины. И дѣйствительно, никто иной, какъ именно К. А́. Вещиловъ ближе всего по техникѣ и темѣ сюжета подходилъ къ своему маститому учителю.

Въ К. А. Вещиловѣ И. Е. Рѣпинъ мечталъ видѣть замѣстителя своихъ идей, возстановленія моментовъ русской исторической старины. Но, революція отняла у Россіи этотъ крупный талантъ.

"4 Ноября 1922 г. я и моя жена М. М. покинули нашу родину!" — такова надпись на первой страницѣ личнаго альбома К. А. Вещилова, въ коемъ онъ собиралъ фотографіи, репродукціи и вырѣзки изъ газетъ и журналовъ о своихъ произведеніяхъ. Вскорѣ по отъѣздѣ изъ Россіи по Петрограду распространились слухи, что онъ и художникъ Горбатовъ, якобы, погибли на пароходѣ, наскочившемъ на мину. Слухи оказались ложными и полученная изъ Берлина телеграмма о благополучномъ пріѣздѣ этихъ художниковъ въ Германію разъяснила ихъ вздорность.

Пробывъ въ Германіи 2 мѣсяца, чета Вещиловыхъ переселилась на о. Капри, гдѣ К. А. въ продолженіи 4½-5 лѣтъ работалъ и лѣчился. Къ началу 1928 г. Вещиловы переѣзжаютъ во Францію и вскорѣ К. А. выставляетъ свои полотна въ галлереѣ Шарпантье въ Парижѣ. Выставка происходитъ съ 23 марта по 7 апрѣля 1928 г.

Французская пресса сразу отмѣтила очень благожелательны-

ми отзывами яркость таланта К. А., причемъ особенно подчеркивалась гармонія пейзажа, голубизна водъ и бѣлизна снѣга, дающія полную симфонію цвѣтовъ. Картина "Начало весны въ Россіи" получила почетный отзывъ Salon des Artistes Francais и была пріобрѣтена г. Андрэ Паскаль Левисъ.

Вторая выставка происходитъ въ залахъ галлереи Шевалье. Успѣхъ возрастаетъ. Годъ спустя, съ 22 февраля по 8 марта 1929 г., въ залахъ Шарпантье, Парижъ, К. А. Вещиловъ снова выставляетъ свои работы писанныя въ Италіи. Это — пейзажи о. Капри, Амальфи, Миланъ, Флоренція и Венеція. Было прсдано 40 полотенъ. Успѣхъ солидный. Пресса съ большой благожелательностью говоритъ объ ученикѣ И. Е. Рѣпина.

Въ томъ же году на выставкѣ Сосьетэ-Интернасіональ картина К. А. "Динанъ" — пріобрѣтается Люксембургскимъ музеемъ. Въ то же время К. А. пишетъ панно, декораціи для фешенебельнаго кафе на Монтмартѣ "Талисманъ".

Въ "Салонѣ друзей искусства" въ Бордо были выставлены слѣдующія полотна К. А. вызвавшія полное восхищеніе французовъ: "Весна въ Казани", "Веранда на о. Капри", "Понте-Вечіо" во Флоренціи (акварель). Рецензія о нихъ была дана г. Робертомъ Марсанъ.

Слѣдующая выставка въ домѣ № 2, ул. Пти-Кармэ, гдѣ К. А. выставляетъ свыше 200 полотенъ, среди коихъ этюды и картины, которыя К. А. удалось вывести изъ Россіи. Отзывъ восхищенія даетъ г. Эмиль Ланглядъ. Пребываніе К. А. въ Италіи сопровождалось также тріумфомъ.

Журналы и газеты: "Иль Маттино", "Иль Мezзаджіорно" (Неаполь), 10 февраля 1925 г. выражая свое восхищеніе симфоніей цвѣтовъ и гармоническаго пейзажа, подчеркиваютъ, что К. А. Вещиловъ также чутко чувствуетъ и передаетъ въ краскахъ лѣто Италіи, какъ и снѣга въ Россіи.

Поль Лонъ, директоръ Изящныхъ Искусствъ посѣтилъ международную выставку живописи и скульптуры въ Парижѣ. гдѣ онъ выдѣлилъ талантливыя работы художниковъ: Вилльяма Альбертъ, Эрвъ, Эдвинъ Скотта, Градволь, **Вещилова**, Шовенонъ и скульптора Мюллеръ. "Это очень большой успѣхъ для этой группы" — даетъ рецензію г. Пьеръ Гарье-Беллэзъ.

Въ первый же день выставки одна изъ картинъ К. А. была пріобрѣтена герцогиней Вандомской. ("Роща и березки на небольшой рѣчкѣ съ почти ставшимъ, по берегамъ, снѣгомъ. - 22 февраля 1930 г. на выставкѣ въ Брюсселѣ К. А. выставляетъ около 100 полотенъ. Среди нихъ: "Динанъ" (улица внутри города), продана въ Америку, "Ночь въ Бретани", "Половодье", пріобрѣтена г. Мартинъ. "Казань", пріобрѣтена президентомъ компаніи Зингеръ, находится въ галлерѣѣ

г. Александра Дугласъ.- "Траторія (постоялый дворъ) на Капри", продана въ Америку. "У береговъ Капри", "Сенъ-Мало", "Осенняя веранда на Капри" (пріобрѣтена г. Кроль въ Америку), "Послѣ шторма у береговъ Корсики" (пріобрѣтена для Джонъ Вэнэмекеръ галлереи въ Филадельфіи).

"Терасса гостинницы на Грандъ-Марина" — вызываетъ у И. Сургучева восхищенный отзывъ.

"Было тихо и свѣжо. Вдали вырисовываются контуры таинственнаго острова. И тогда я понялъ, что Капри — это бомбоньерка, упавшая съ елки Господа Бога". Все это мнѣ вспомнилось на дняхъ, въ Парижѣ, въ галлереѣ Шарпантье, на выставкѣ Константина Вещилова, съумѣвшаго запечатлѣть на полотнѣ и капрійскій воздухъ, и капрійское солнце и Монтэ-Саларо, и капрійскіе цвѣты, и даже терассу той гостинницы на Гранде-Марина, въ которую подъ большимъ секретомъ, дрожа отъ ужаса и кутаясь въ десять непроницаемыхъ вуалей, бѣгала ко мнѣ Еленучча"...

Другое полотно: "Терасса" (3 женщины сортируютъ виноградъ) — пріобрѣтена Арсеніемъ Мих. Чубиненскимъ, Бѣлградъ, Югославія.

Общее впечатлѣніе отзывовъ французскихъ критиковъ о кратинахъ К. А. Вещилова, въ его "русскихъ полотнахъ" это — "La Sainte Russie qui disparait". Таковъ отзывъ восхищенія французовъ о памятникахъ Московіи, чистотѣ контрастовъ, лѣсахъ со снѣгомъ, чистотѣ, живущаго въ краскахъ воздуха Россіи.

Далѣе К. А. Вещиловъ принимаетъ участіе въ выставкѣ для помощи русскимъ студентамъ (лоттерея). Участвовало 73 художника. Статьи для каталога дали: Директоръ Французскаго Института въ Вѣнѣ г. Луи Рео, г.г. Арсенъ Александръ и Дени Рошъ, знатоки не только русскаго искусства, но бывшіе и знающіе Россію.

Во Франціи К. А. получилъ заказъ на портретъ г. И. М. Зингеръ. Портретъ пришлось дѣлать съ гравюры и описанія пришлось дѣлать съ гравюры и описанія по отзывамъ знавшимъ оригиналъ. Работа вышла превосходной и пріобрѣтена принцессой де-Полиньякъ. Полотно "Лѣсъ въ солнечный день", пріобрѣтено для національной библіотеки въ Нью Джерси въ 1937 г. "Въ монастырь на богомолье", пріобрѣтена Директоромъ Мельбурнскаго музея г. Холль, въ Австралію въ 1934 г. Съ 1935 г. К. А. Вещиловъ переселился въ Соединенные Штаты и поселился въ Нью-Іоркѣ.

Будучи во Франціи избранъ Почетнымъ Членомъ Парижской Каютъ-Компаніи, К. А. былъ членомъ и Общества б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ. Прибывъ въ Нью-Іоркъ, К. А., отъ лица Парижскаго Морского Собранія преподнесъ весьма изящный адресъ О-ву Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ. Пріятный собесѣдникъ, отлич-

ный разсказчикъ и передатчикъ юмора Горбунова, Чехова, Аверченко, Теффи былъ незамѣнимъ въ Обществѣ.

Какъ онъ жилъ въ Америкѣ и работалъ, оставаясь несокрушимо русскимъ всей своей душой, такимъ и ушелъ на вѣчный покой. Очень благожелательныя и дышащія правдой статьи о К. А. можно найти въ газетахъ: "Н. Р. Слово" отъ 2-го іюля 1939 г. за подписью Н. Аллъ и отъ 25 апрѣля 1945 г. въ той же газетѣ за подписью Л. Камышникова. Живя постоянно въ Нью-Іоркѣ, лѣто К. А. проводилъ обычно въ имѣніи своего добраго знакомаго, ст. лейт. Гвард. экипажа В. В. Х., гдѣ и писалъ на мѣстныя темы.

23-го апрѣля 1945 г. въ 10 час. утра К. А. скоропостижно скончался отъ разрыва сердца.

Покойный былъ Кандидатомъ въ члены Имп. Академіи Художествъ, членомъ Импер. Археологическаго Института, Художникомъ Морского Министерства, а въ имиграціи Почетнымъ Членомъ Парижскаго Собранія и Членомъ О-ва б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.

Генералъ-отъ-Инфантеріи А. Я. ЕЛЬШИНЪ.

III.

НА СУШѢ И НА МОРѢ.

ГЛАВА 6.

(продолженіе)

КАКЪ ПОТЕНТАНТЪ ДОЛЖЕНЪ ПОНИМАТЬ СВОЮ ЗАДАЧУ ВЪ ЦѢЛОМЪ.

Вспоминаю десантный маневръ съ высадкой десанта, для внезапнаго овладѣнія Очаковской крѣпостью, на которомъ Главными руководителями были Командующій Войсками Одесскаго Военнаго Округа Генералъ-Адъютантъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ и Главный Командиръ Черноморскаго Флота Вице-Адмиралъ Скрыдловъ, Старшимъ Посредникомъ былъ Генералъ-отъ-Кавалеріи Баронъ Каульбарсъ, младшими посредниками — чины арміи и флота, а я состоялъ при посредникѣ въ атакуемой крѣпости. Старшій посредникъ находился на флагманскомъ кораблѣ и при немъ комиссія, для учета потерь по таблицамъ Лейтенанта Кладо.

По окончаніи маневра, всѣ старшіе начальники маневрировавшихъ частей и штабовъ арміи и флота и состоявшіе на маневрѣ посредники собрались на яхтѣ Главнаго Командира Флота "Эрекликъ", для разбора маневра.

Генералъ Бар. Каульбарсъ началъ докладъ: "мы рѣшили, что эскадренный огонь сбилъ всѣ береговыя батареи и потому былъ перенесенъ....," но Графъ Мусинъ-Пушкинъ перебиваетъ: "Кто это мы?...." "Англійскій флотъ...." отвѣчаетъ докладчикъ. "Ничего не понимаю.... мы.... Англійскій флотъ.... сбита береговая артиллерія.... когда и почему?...."

Баронъ началъ ссылаться на вычисленія комиссіи по таблицамъ Кладо. Тогда Адмиралъ Скрыдловъ и Генералъ Протопоповъ поварачиваются въ мою сторону и А. П. предлагаетъ мнѣ отправиться на флагманскій корабль и выяснить, — въ чемъ дѣло? Оказалось, что комиссія имѣла таблицы для учета пораженій при стрѣльбѣ на среднихъ дистанціяхъ, а эскадра вела бой на дальнихъ разстояніяхъ. Построивъ кривую пораженій по этимъ таблицамъ и продолживъ ее лекаломъ на дальнія дистанціи, получились совсѣмъ другіе результаты стрѣльбы по береговымъ батареямъ. Для полнаго уничтоженія батарей потребовалось-бы гораздо больше времени и болѣе близкія дистанціи въ бою. Когда я вернулся на "Эрикликъ", Генералъ Каульбарсъ былъ очень смущенъ моимъ докладомъ, но дружелюбно простился со мной и на всю

жизнь остался ко мнѣ весьма внимательнымъ.

Планомѣрно продвигая тѣсное кооперированіе арміи и флота, А. П. достигъ въ концѣ концовъ такихъ поразительныхъ результатовъ, которыхъ послѣ него никому не удалось ихъ добиться, ни въ Арміи, ни во Флотѣ.

Я говорю о грандіознѣйшей Военно-Морской игрѣ, давно задуманной имъ для арміи и флота) и осуществленной въ стѣнахъ Адмиралтействъ - Совѣта во время Великаго Поста 1902 года. Онъ самъ себя въ тѣни оставилъ, привлекая къ ней дѣятелей, отъ самыхъ старшихъ персонъ Арміи и Флота до самыхъ молодыхъ силъ обоихъ Потентатовъ; отъ начала до конца я былъ при немъ, исполняя самыя невѣроятныя заданія, нерѣдко мною поднятыя.

Насколько трудно было собрать такой ареопагъ, - видно было по тому, какъ впослѣдствіи даже Главное Управленіе Генеральнаго Штаба жестоко поперхнулось на этомъ блюдѣ: была назначена имъ игра старшихъ начальниковъ и всѣ на ней уже собрались, а за часъ до открытія военной игры, пришлось ее совершенно отмѣнить. Если бы Александръ Павловичъ въ то время здравствовалъ, то, несомнѣнно, такого афронта никогда-бы не случилось.

Военно-Морская игра привлекла вниманіе маститаго Генералъ-Фельдмаршала, Генералъ Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича, а Великій Князь Александръ Михайловичъ исполнялъ роль обороняющейся стороны (арміи и флота). На игрѣ присутствовали Военный Министръ и Управляющій Морскимъ Министерствомъ. Участвовали Штабы Одесскаго Военнаго Округа и Черноморскаго флота, оперативные органы Главнаго и Морского Штабовъ, Командные составы указанныхъ округа и флота. Позже прибылъ Командующій Войсками Кіевскаго Военнаго Округа Генералъ-Адъютантъ Драгоміровъ.

Вскорѣ всѣ бразды правленія на игрѣ принялъ на себя Военный Министръ такъ близко, что впутывался даже въ распоряженія младшихъ начальниковъ, до саперныхъ дѣлъ включительно.

Долженъ немного уклониться и вспомнить впечатлѣнія объ этомъ фатальномъ академикѣ, когда онъ въ 1900 г. посѣтилъ Керченскую Крѣпость. На "форту Тотлебенъ" я вынужденъ былъ доложить о дряхлости береговой артиллеріи, которой не суждено стрѣлять по современному флоту, потому что морская артиллерія смететъ старье съ дальнихъ дистанцій фугаснымъ огнемъ подавляющей разрушительной силы. Уставясь въ горизонтъ, Министръ отпарировалъ: "вотъ тутъ поставить 12-тидюймовое орудіе и отразитъ флотъ". Прощаясь, продолжалъ: "прошу васъ начертить схему крѣпости, съ обозначеніемъ батарей, и завтра доставить на паровозѣ въ Өеодосію, гдѣ я буду на суднѣ "Березань". Всю ночь я провозился съ этой схемой, а на разсвѣтѣ

взбирался, со схемой, по штормъ-трапу на "Березань". Благодаря меня за отличную работу, онъ выразилъ: "Доложите Коменданту, что эта командировка совершена по приказанію Военнаго Министра, а потому вамъ полагаются двойные прогонныя деньги". Я былъ такъ ошеломленъ, что не въ силахъ былъ поблагодарить.

Внимательно наблюдая за игрой, Александръ Павловичъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ о великомъ ея значеніи не въ томъ, - какая изъ сторонъ одержатъ успѣхъ на ней, а въ главномъ: популяризировать проблему служенія большого флота большимъ задачамъ государства по міровой добычѣ средствъ, по быстротѣ увеличенія народонаселенія, внѣдренію Боголюбія всенароднаго, просвѣщенію, мозговитости, мастеровитости, короче, по всѣмъ отдѣламъ патріотическаго самосознанія и колоссальнаго бюджета, изъ всего перечня вытекающаго.

Военная игра дала возможность создать кругъ сподвижниковъ великой идеологіи, начавшихъ смотрѣть на флотъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, какъ среди морскихъ, такъ и сухопутныхъ сферъ вліятельныхъ, оказавшихъ впослѣдствіи большія услуги флоту, о коихъ рѣчь будетъ впереди.

Разумѣется, болѣе однородный составъ нашего Флота, состоявшій лишь изъ воспитанниковъ двухъ высшихъ морскихъ учебныхъ заведеній, беззавѣтно былъ преданъ своему любимому морскому дѣлу и борьбѣ съ морской стихіей, но такое рыцарское отношеніе болѣе звучало чѣмъ-то платоническимъ и романтическимъ къ родному флоту и морю, невдохновляясь великими общегосударственными перспективами, а безъ такого воздыханія и флотъ не такъ всеобъемлющъ, какъ это съ поконъ вѣковъ настойчиво требовало наше незавидное международн. морское положеніе въ болотахъ... точно не нашлось намъ болѣе широкаго океанскаго простора?... Ищите и обрящете!... мы плохо искали и немножко опоздали.

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ окончательно убѣдилъ меня въ полной безнадежности подняться выше храбраго начальника штурмовой колонны и не разъ забавлялъ своими бухарскими разсужденіями.

Когда дѣло дошло до устройства на мѣстахъ высадки базъ, для всѣхъ видовъ снабженія высадившихся на игрѣ войскъ, то онъ авторитетно высказалъ, что это дѣло совсѣмъ просто; пароходъ, везущій все снабженіе, на полномъ ходу врѣжется въ берегъ, а всѣ повозки будутъ прямо подъѣзжать къ пароходу и развозить по всѣмъ войскамъ все, что имъ потребуется.

Хотя на игрѣ я занятъ былъ, какъ Начальникъ Штаба крупнаго Десантнаго отряда, но я имѣлъ возможность близко наблюдать присутствіе на игрѣ Начальника оперативнаго отдѣленія Главнаго Штаба, состоявшаго въ тоже время и профессоромъ Николаевской

Академіи Генеральнаго Штаба, уже не молодого полковника, Михаила Васильевича Алексѣева, впослѣдствіи достигшаго очень Высокаго Поста и даже ставшаго Верховнымъ Главнокомандующ. Русской Арміи, при появленіи въ Россіи Временнаго правительства. Нагнувшись надъ тетрадкой, онъ бисернымъ почеркомъ все время заносилъ что-то въ тетради, изрѣдка поглядывая, сверхъ очковъ. на окружающихъ, мало обращавшихъ вниманія на его невзрачный обликъ. Центромъ вниманія былъ маститый генералъ-адъютантъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ въ формѣ Кубанскаго Казачьяго Войска: его острыя замѣчанія производили большое впечатлѣніе. Какъ-то, за чашкой чая, адмиралъ Алексѣй Алексѣевичъ Бирилевъ, шутя, спрашиваетъ генерала Драгоміpова; "и зачѣмъ это, Михаилъ Ивановичъ, нарядились Вы въ такой зипунъ?" "А сколько растратили Вы денежекъ на этотъ черный сюртучекъ... небось цѣлковыхъ семьдесятъ?... а мой зипунъ сошьетъ казачка за семь рублей!... вотъ и сообразите, сударь мой!", отпарировалъ, широко улыбаясь, Драгоміровъ.

Какъ Начальникъ Штаба Крѣпости (пользовавшійся правами бригаднаго командира), находясь въ С. Петербургѣ, я обязанъ былъ представиться Главнокомандующему Войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа Великому Князю Владиміру Александровичу. Неожиданно мое представленіе превратилось въ большую аудіенцію, которую я никогда не забуду. Ничего меня не спрашивая, Великій Князь самъ распространился объ игрѣ, задачахъ флота и о такихъ свѣдѣніяхъ, которыя даже не извѣстны иниціаторамъ игры. Я ушелъ отъ Великаго Князя окрыленнымъ, что самыя вѣрныя и самыя первыя Петровскія мысли оживутъ, о чемъ тотчасъ-же доложилъ Александру Павловичу.

Къ страстной недѣлѣ заканчивалась наша военно-морская страда; всѣ Одесскіе и Севастопольскіе участники стремились домой къ Свѣтлому Христову Воскресенію, только мнѣ одному не пришлось отдохнуть.

Когда, передъ отъѣздомъ, Командующій Войсками Округа представлялся Государю Императору, то былъ всемилостивѣйше приглашенъ къ Пасхальному столу. Мнѣ было приказано остаться при немъ, на случай, если бы ему пришлось докладывать Его Величеству по части округа и военной игры, при чемъ А. П. указалъ держать связь съ флигель-адъютантомъ капитаномъ 1 ранга графомъ Гейденомъ. не рѣдко посѣщавшимъ Александра Павловича въ періодъ военной игры.

На прощаньи А. П. вынужденъ былъ оставить мнѣ очень важное по той обстановкѣ дѣла (куй желѣзо, пока оно горячо). На страстной и Пасхальной недѣлѣ я долженъ былъ составить оперативный планъ второй фазы компаніи, вытекающій изъ только-что разыгранной военно-морской операціи, копію моихъ трудовъ прямо передать Генералъ-Адъ-

ютанту Дубасову, а потомъ ужъ доложить Александру Павловичу въ Одессѣ.

Въ исходѣ 1903 года, генералъ Протопоповъ настоялъ на назначенiи меня въ Одессу Начальникомъ Штаба 4-й Стрѣлковой Бригады, которая со временъ Шипки была въ Русской Армiи прозвана "желѣзной". Но судьба готовила мнѣ странствiя на берега Тихаго Океана, гдѣ политическiе буревѣстники предрекали уже далеко не тихiя времена. Въ предвидѣнiи тамъ бури, я былъ экстренно вызванъ въ Петербургъ и на другой-же день, послѣ Высочайшаго бала въ Зимнемъ Дворцѣ 17 Января 1904 года получилъ повелѣнiе: отправиться въ Портъ-Артуръ, въ распоряженiе Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ.

Глава 7.

ОКЕАНСКIЙ ФЛОТЪ ИЗБАВИЛЪ-БЫ НАСЪ ОТЪ МНОГИХЪ ВОЙНЪ.

Такую мысль я высказалъ на прощаньи въ оперативномъ отдѣленiи Главнаго Штаба, когда меня командировали на Д. Востокъ.

Какъ не убаюкивали плавныя движенiя Дальневосточнаго экспресса, но "боевые коэффицiенты" Кладо не давали мнѣ покоя въ уютномъ купэ, - тревожили сознанiе, что соотношенiе нашихъ морскихъ силъ въ Артурѣ очень невыгодно, въ сравненiи съ Японскимъ флотомъ. И къ чему-бы это было, думалъ я въ купэ, Вильгельму говорить, что "будущее Германiи на океанахъ" и подымать на "Гогенцоллернѣ" сигналъ: "Адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ Адмирала Тихаго Океана"?... Многое было передумано за время пути и привело къ выводу, что флотъ, безъ постоянной готовности къ бою, безсмыслица и пустая трата въ государственномъ бюджетѣ.

На станцiи Иркутскъ я шелъ къ почтовому ящику опустить письмо женѣ съ дороги; мальчикъ суетъ газету, - въ ней напечатано, что Военный Министръ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ назначенъ Командующимъ Маньчжурской Армiей. Я машинально повернулъ на станцiю, перемѣнилъ конвертъ и добавилъ въ письмѣ, что отъ такого назначенiя ничего путнаго нельзя ожидать.

Не было сомнѣнiя, что Японiя въ концѣ концовъ не выдержитъ: ежели въ Сибири не хватитъ корпусовъ, - пошлютъ потомъ изъ центра вдвое, втрое больше и т. д.. пока не сбросятъ врага въ море. Всѣ войны мы начинали всегда, подъ окомъ министерства финансовъ, малыми пакетиками, пока отрезвляющая недохватка силъ заставляла двигать достаточныя силы. Кто пережилъ Турецкую войну, хотя-бы въ званiи "бомбардира-наводчика" въ тылу, тотъ понимаетъ, что не дай

Богъ кому связаться войной съ Россіей, - никогда не развяжется. Но никому и въ голову не могло придти, что такъ ужъ низко пала наша интеллигенція и такъ вывѣтрился у ней патріотизмъ, что она выберетъ время для своей "революціи" въ ту минуту, когда на полѣ брани соберется могучая Русская сила, а у Японіи всѣ резервы ужъ будутъ наисходѣ.

Японскій профессоръ Т. Такеучи откровенно объявляетъ (въ своей книгѣ "War and Diplomacy in the Japanese Empire" by Tatsuji Takeuchi), что Японская армія въ срединѣ Марта 1905 года почувствовала себя разбившейся объ Русскую армію, нѣтъ людей, изсякли рессурсы. Отецъ генерала Макъ Артура и ротмистръ Першингъ доносятъ, что японскія потери въ два раза превышаютъ русскія. Начальникъ Штаба Японской арміи, самый прозорливый изъ японскихъ генераловъ баронъ Кодама, бросаетъ свой штабъ и ѣдетъ въ Токіо доложить высокимъ воротиламъ: "Вы умѣли, господа, войну объявить, умѣйте-же и во-время мира добиться". Японцы даже дали право своей делегаціи въ Портсмутѣ не требовать южную половину Сахалина, но тутъ одинъ инородный коварный спецъ успѣлъ дать знать въ Токіо, что Витте навѣрно уступитъ въ придачу и "полусахалинъ".

Въ Харбинѣ я узналъ, что Намѣстникъ Адмиралъ Алексѣевъ отбываетъ изъ Артура въ Дѣйствущую армію, а потому мнѣ пришлось въ Ляоянѣ явиться командовавшему Маньчжурской арміей генералу Линевичу. Энергичный генералъ завоевалъ мое сердце назначеніемъ меня Начальникомъ Штаба южнаго авангарда Маньчжурской арміи.

Нашъ Южный авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора К. А. Кондратовича, явился большой рѣдкостью въ военной исторіи; онъ состоялъ изъ сухопутныхъ войскъ и флота; въ него входили: 9-я Восточно-Сибирская Стрѣлковая дивизія, съ ея артиллеріей, Приморскій Драгунскій полкъ, фортъ Инкоу и канонерская лодка "Сивучъ", стоявшая въ зимнемъ затонѣ, на берегу Ляо-Хэ.

Авангардъ арміи долженъ былъ укрѣпить раіонъ на побережьи Ляодунскаго залива, отъ порта Инкоу до Синьючена, и воспрепятствовать японской высадкѣ; Стрѣлковая дивизія тутъ-же формировалась изъ 48 ротъ, прибывшихъ изъ разныхъ полковъ изъ Россіи. Операціи авангарда были отмѣчены наградами.

Послѣ расформированія Южнаго авангарда, всѣ функціи его перешли къ 1-му Сибирскому корпусу; за время-же операцій авангарда произошли два интересныхъ событія: постановка минныхъ загражденій въ устьи р. Ляо-Хэ и посѣщеніе авангарда командующимъ Маньчжурской арміей генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ.

На предложеніе поставить минное загражденіе, командиръ "Сивуча", капитанъ 2 ранга Стратоновичъ доложилъ, что по этому поводу уже была Комиссія контръ-адмирала Лощинскаго, доложившаго

адмиралу Алексѣеву, что плавучія мины нельзя ставить, по причинѣ большихъ приливовъ и отливовъ. На другой-же день я былъ на "Петропавловскѣ" у командующаго флотомъ адмирала Макарова съ проэктомъ поставить донныя мины, если найдутся въ порту.

Конечно, все было одобрено и, сверхъ того, адмиралъ набросалъ на листкѣ эскизъ устройства брандеровъ, которые пригодятся, если противникъ прорвется въ Ляо-хэ. За обѣдомъ собрался весь боевой штабъ адмирала, производившій на меня отрадное впечатлѣніе своимъ увѣреннымъ спокойствіемъ: мой однокурсникъ по Академіи, Генеральнаго Штаба полковникъ Агапѣевъ, состоявшій въ штабѣ адмирала, чувствовалъ себя прекрасно въ морской семьѣ. Послѣ обѣда, адмиралъ увелъ меня въ свою каюту, выслушалъ докладъ о возможныхъ операціяхъ нашего авангарда и поручилъ ежедневно информировать его, потому что онъ рѣшилъ атаковать японцевъ, въ случаѣ ихъ высадки въ раіонѣ Инкоу.

Всю ночь портовые минеры грузили въ мой особый поѣздъ донныя китайскія мины, пироксилинъ, огромныя колеса намотаннаго на нихъ троса и все необходимое по проэкту, а запалы уложили въ моемъ купэ и торопились отправить мой опаснѣйшій "экспрессъ" задолго до разсвѣта, такъ какъ ожидалась очередная бомбардировка съ моря.

31-го Марта я шелъ къ телеграфному аппарату съ очереднымъ докладомъ Россійскому Флотоводцу, когда Онъ уже шелъ, на своемъ кораблѣ въ вѣчность!

Когда заканчивались мои труды по укрѣпленію побережья, Китайскаго форта и устья Ляо-хэ, къ форту приближалась огромная свита съ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ во главѣ, подъ Георгіевскимъ флагомъ командующаго Маньчжурской арміей.

Несясь карьеромъ навстрѣчу высокаго кортежа, я подъ собой земли не чуялъ: вѣдь подъ сѣнью Св. Георгія шествовалъ храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Бѣлаго Генерала. *)

Командующій арміей остался всѣмъ довольнымъ; а у меня остался одинъ только осадокъ отъ однотоннаго его здорованія со всѣми войсками, напоминавшаго манекенскіе звуки. Неужели, подумалъ я, онъ не помнитъ, - какъ здоровался съ чудо-богатырями ихъ легендарный кумиръ Скобелевъ-

За проявленное мужество были нѣкоторые чины награждены (со мною) орденами съ мечами.

Я получилъ назначеніе состоять при Штабѣ Маньчжурской

---

*) Странно, что генералъ Скобелевъ, отмѣчая храбрость своего бывшаго начальника штаба А. Н. Куропаткина, призвалъ его въ Ахалъ-Тэкинскую Экспедицію не по штабной линіи, а только въ роли начальника штурмовой колонны при штурмѣ Геокъ-Тэне?

арміи. Помѣстили меня въ вагонѣ, изъ оконъ котораго виденъ былъ поѣздъ командующаго арміей и та площадка у его вагона, гдѣ ежедневно представлялись ему чины, прибывающіе въ армію. Туркестанцы, конечно, привлекали больше вниманія и нерѣдко получали сборные отряды изъ ротъ отъ разныхъ полковъ, для выполненія разныхъ задачъ на флангахъ и въ тылу.

Вскорѣ, генералъ-квартирмейстеръ Штаба Главнокомандующаго, генералъ-маіоръ Харкевичъ поручилъ мнѣ развѣдку путей отъ Мукдена къ р. Ялу, могущихъ послужить японцамъ для обхода нашей арміи слѣва, для чего мнѣ данъ былъ "отрядъ" въ 10 амурскихъ казаковъ, переводчикъ и фудутунка.

На каждомъ шагу мы натыкались на глухія дебри, грохочущія горныя рѣчки и сопки безъ конца края, пока въ концѣ развѣдки не наткнулись на хунгузскія организаціонныя партіи и японскую заставу у Ченъ-си-фу-гоу.

Пробиваясь черезъ это окруженіе, мы потеряли убитымъ переводчика, подводчика съ лошадьми; одного казака тяжело ранило, — мы везли его, приторочивъ къ сѣдлу; я-же отдѣлался легкимъ раненіемъ въ палецъ. Сданный въ Мукденскій полевой госпиталь, казакъ Черенцовъ, оказался первымъ раненымъ и, конечно, Намѣстникъ адмиралъ Алексѣевъ навѣстилъ его и, разспросивъ подробно о сраженіи съ "гапонцами", наградилъ Черенцова знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія 4-й степени по статуту за то, что, будучи тяжело раненымъ, велъ бой до конца въ строю.

Генералъ Харкевичъ, просмотрѣвъ мою работу, поздравилъ съ первымъ боевымъ крещеніемъ и предоставилъ отдыхъ въ вагонѣ. За важную развѣдку я потомъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ.

За завтраками на станціи приходилось встрѣчаться съ интересными лицами. Полковники Генеральнаго Штаба В. М. Драгоміровъ и Нечволодовъ вели талантливые споры и, конечно, все критиковали; послѣдній даже послалъ въ Петербургъ телеграмму о необходимости смѣнить командующаго арміей, за что былъ висланъ въ Хабаровскъ, безъ какого-либо назначенія.

Случайно видѣлъ колоритнаго Закаспійскаго подрядчика верблюдовъ, Громова, въ кавказскомъ одѣяніи, въ енотовой папахѣ, съ кинжаломъ и орденомъ Св. Владиміра на шеѣ; ему была присвоена кличка: "Хлопуша, рваная ноздря". Онъ былъ вызванъ генераломъ Куропаткинымъ для поставокъ необходимаго скота, для чего онъ привезъ въ Монголію кавказскихъ головорѣзовъ, устроившихъ бунтъ: "минымъ ѣхалъ джапонцевъ ризать, а онъ давалъ биковъ ризать!", жаловались эти разочарованные джигиты.

Послѣ одного такого завтрака, выйдя на платформу, наткнул-

ся я прямо на подходившій поѣздъ Намѣстника. "Что вы здѣсь дѣлаете?" — спрашиваетъ на ходу адмиралъ Алексѣевъ; я едва успѣлъ отвѣтить ему вслѣдъ, что я ничего не дѣлаю.

На другой-же день я былъ вызванъ въ Мукденъ и принятъ Намѣстникомъ въ вагонѣ. Давъ мнѣ прочесть, лежавшее на столикѣ, письмо генерала Куропаткина, ходатайствовавшаго о назначеніи меня начальникомъ штаба всей артиллеріи (подъ начальствомъ генерала Холодовскаго), назначенной въ составъ войскъ для овладѣнія Кинчжоуской позиціей, адмиралъ Алексѣевъ перешелъ на весьма секретныя планы, — "взять въ клещи армію Куроки". Неравнодушный къ этому инструменту съ подпоручикскаго чина, я трепетно вслушивалъ каждое слово его. По "терминамъ" я догадывался, что это дѣло - плодъ его собственнаго дальновиднаго стратегическаго плана: ударить въ бокъ Куроки съ той стороны, оттуда онъ никакого удара не ожидаетъ. Мѣстность ужасная, не легче Суворовскихъ Альпъ, но вѣдь и Куроки придется танцовать съ нами на такомъ же паркетѣ. Планъ этотъ былъ хорошъ, но не подъ силу нерѣшительному генералу Куропаткину.

VII-й корпусъ, шедшій изъ Россіи, намѣчено повернуть въ Никольскъ-Уссурійскій, 2-я В. С. Стрѣлк. дивизія уже въ Сѣв. Кореѣ, слѣдующій корпусъ долженъ играть роль резерва, который можно будетъ двинуть, смотря по ходу операцій, и на югъ и на востокъ, гдѣ выростетъ 2-я Маньчжурская армія.

Съ такими мыслями, онъ направлялъ меня къ генералу Линевичу въ Хабаровскъ. Тамъ меня удивило то, что я былъ назначенъ на только-что учрежденную должность Начальника военныхъ сообщеній на Приморскомъ направленіи, съ правами командира корпуса, имѣющаго непосредственный докладъ у генерала Линевича, коему присвоена была власть генералъ-губернатора и командира отдѣльнаго корпуса. Устройство этихъ сообщеній соотвѣтствовало арміи, наступающей въ Корею.

Но съ каждымъ подходомъ изъ Россіи корпусовъ, стоны генерала Куропаткина поворачивали эти корпуса къ Ляояну и Мукдену. Затѣмъ, когда были сформированы три Маньчжурскихъ арміи, адмиралъ Алексѣевъ былъ отозванъ въ С. Петербургъ, генералъ Куропаткинъ назначенъ главнокомандующимъ, а генералъ Линевичъ принялъ отъ него 1-ую армію.

Сердечно прощаясь со мною, генералъ Линевичъ высказалъ (шутя) "оставляю на васъ все Корейское направленіе". Герой Пекина еще не зналъ, что шутки со мной плохія...

Командовать войсками Пріамурскаго военнаго Округа назначенъ былъ генералъ-отъ-кавалеріи Хрещатицкій, знавшій меня еще по Суворовскимъ лекціямъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ и, потому въ первый-же день, отлично мною информированный.

Между тѣмъ боевая ситуація на Маньчжурскомъ театрѣ уже склдывалась такъ грустно, что ни о какомъ наступленіи изъ Приморскаго раіона нечего было и думать. Положеніе частей 2-й В. С. Стрѣлковой дивизіи и выдвинутой конницы въ Кореѣ, стало изолированнымъ, а подкрѣпить ихъ нечѣмъ. Если достойнѣйшее начальство, хотя-бы даже въ шутку, повѣсило на мою шею Корейское направленіе, то какъ-же я могу оставить это безъ вниманія? — думалъ я такъ про себя.

Большое переселеніе всевозможныхъ людскихъ рессурсовъ по всѣмъ моимъ военнымъ сообщеніямъ, отъ Благовѣщенска и Владивостока до Николаевска на Амурѣ, раскрывало моей энергіи великія возможности. Мнѣ уже были подчинены (на правахъ командира корпуса): Уссурійская желѣзнодорожная бригада, дивизіонъ Оренбургскихъ казаковъ, горная батарея, 25 отдѣльныхъ командъ ротнаго состава на этапныхъ линіяхъ, протянутыхъ мною от Забаровска до Кенгшенга въ Кореѣ, большого числа конныхъ, арбяныхъ и бычьихъ транспортовъ. Быки были находкой и для довольствія войскъ, въ крайнихъ случаяхъ.

Не долго думая, не говоря никому ни слова, не испрашивая ни у кого разрѣшеній, самотекомъ, я преобразовалъ всѣ команды въ два пѣхотныхъ полка, наименовавъ ихъ Посьетскимъ и Хунчунскимъ пѣхотными полками, подчинивъ себѣ, какъ сводную бригаду.

Генералъ Хрещатицкій, отправившись въ Новокіевское и Посьетъ, былъ неожиданно удивленъ почетными караулами, выставленными отъ этихъ полковъ по Уставу! Онъ былъ такъ растроганъ такимъ важнымъ подкрѣпленіемъ на фронтѣ р. Улы, что тутъ-же телеграфировалъ о семъ генералъ-адъютанту Линевичу, занимавшему уже постъ главнокомандующаго всѣми силами на Дальнемъ Востокѣ. Вскорѣ, сформированные мною полки, подъ тѣми-же наименованіями, были утверждены Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству. Они, въ видѣ сводной бригады, все время до конца войны, оставались въ подчиненіи мнѣ, какъ корпусному командиру, въ числѣ прочихъ частей войскъ, перечисленныхъ выше.

Въ воздухѣ уже запахло операціями японцевъ въ Кореѣ, устьѣ Амура и вокругъ Владивостока, а на помощь ген. Куропаткина надежда пропала. Надо было использовать молоднякъ Пріамурскій; я приступилъ къ образованію дружинъ Приморскихъ: 20-го 1905 года отборная 1-я Приморская Дружина Государственнаго Ополченія была включена въ ряды войскъ, подчиненныхъ мнѣ, на правахъ командира корпуса; около нея разросталисъ-бы и бригады головорѣзовъ, для партизанской обороны обширнаго края. За неугомонную инициативу и энергію меня всѣ, кто въ Бога вѣруетъ, рвали на куски; вѣдь на моихъ плечахъ висѣла еще обязанность вѣдать почтово-телеграфной частью, желѣзнодорожнымъ, воднымъ и этапнымъ пространствомъ, въ треугольникѣ

Благовѣщенскъ-Сахалинъ-Владивостокъ.

Управленіе водныхъ путей Амурскаго Бассейна, душой котораго былъ славный лейтенантъ Петрушевскій, трубило о созданіи вооруженной флотиліи и Гибралтара на Малмыжскихъ утесахъ Амура, чтобы закупорить входъ японской экспедиціи въ Амуръ, по взятіи Сахалина, при чемъ просило Главнокомандующаго возложить командованіе на меня. Пришлось мнѣ, организовавъ это дѣло, поставить во главѣ его военнаго инженера, кончившаго Академію Генеральнаго Штаба и командовавшаго 2-мъ Уссурійскимъ Желѣзнодорожнымъ Баталіономъ, полковника Семенова, пока не прибылъ въ Хабаровскъ капитанъ 2-го ранга Родіоновъ. Только что раздѣлавшись съ Амурской Флотиліей, какъ получаю личную телеграмму генерала Линевича организовать разгрузку 50 пароходовъ въ Николаевскѣ, куда направлена мука изъ Санъ Франциско, чтобы облегчить подвозъ военнаго снабженія изъ Россіи для Дѣйствующей Арміи въ Маньчжуріи, а въ то-же время наростали зловѣщіе слухи о безпорядкахъ въ Россіи, объ устройствѣ забастовокъ на всей сѣти желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ сообщеній. Всѣ увѣряли, что во всякомъ случаѣ на Сибирской и Фронтовой магистрали не посмѣютъ сдѣлать вызовъ противъ Дѣйствующей Арміи. Но я, "по присягѣ"*), твердо и такъ настойчиво къ этому изготовился, что забастовщики, начиная съ инженеровъ путей сообщеній и кончая всѣми ловцами въ мутной водѣ, прямо "ахнули", когда ихъ мгновенно взяли въ оборотъ, а главное никого не только не разстрѣляли, но даже до ихъ тѣлесъ пальцами не дотронулись.

Въ то самое время, когда въ раіонѣ дѣйствовавшей Арміи, Начальники Военныхъ Сообщеній въ Ставкѣ и особенно въ Харбинѣ сидѣли тихо у себя, когда Начальникъ Восточно-Китайской дороги маститый генералъ Хорватъ накладывалъ свои разрѣшительныя штемпеля на всѣ требованія "Забастовочнаго Комитета революціи", а Главнокомандующій присылалъ мнѣ благодарности только въ "зашифрованномъ видѣ", то въ это самое время достойнѣйшій сынъ Дона, генералъ Хрещатицкій, лежалъ въ послѣдней стадіи рака желудка передъ своей кончиной. Въ это сатанинское время вся Уссурійская желѣзная дорога, почта и телеграфъ дѣйствовали, какъ образцовыя войска на маневрѣ. Задолго до забастовки шла подготовка спеціалистовъ не только въ подвѣдомственныхъ мнѣ частяхъ, но былъ привлеченъ мною и Саперный баталіонъ, гдѣ шло обученіе телеграфистовъ во всѣхъ ротахъ. Часы, назначенные для забастовки, были точно выяснены. Даже типографія Штаба Округа приспособилась къ изданію газеты "Свободное

---

*) Когда Главнокомандующій приказалъ выдать содержаніе забастовщикамъ, то я этого приказанія, нарушающаго присягу, просто не выполнилъ.

Слово", чтобы всѣ части имѣли свою газету, а прокламаціи были заготовлены для расклейки на всѣхъ станціяхъ и передъ входами во всѣ общественныя уборныя и отхожія мѣста, потому что черезъ нихъ проходитъ и все населеніе раіона; расклейка возложена была на всѣхъ войсковыхъ писарей и разсыльныхъ чиновъ.

Трудно себѣ представить, — какъ были ошеломлены всѣ участники забастовки, какъ вольные, такъ и подневольные, когда не успѣетъ забастовщикъ въ урочный часъ одѣть шапку и идти со службы, или, не докончивъ телеграфной ленты, телеграфистъ бросаетъ аппаратъ, то ему въ затылокъ входитъ бравый саперъ и продолжаетъ телеграфную ленту, брошенную забастовщикомъ. Картина неописуемая.

Не менѣе интересно было положеніе почтенныхъ инженеровъ (въ томъ числѣ былъ братъ генерала Ховата, инженеръ путей сообщеній), которые рѣшили одѣть сумасшедшую рубашку на Начальника Уссурійской жел. дороги военнаго инженера, полковника Кремера. Имъ почтительно было предложено отбыть на гауптвахту, гдѣ и находиться, впредь до окончанія суда надъ ними, за попытку насилія надъ своимъ начальникомъ.

Всѣ, обездоленные такими моими мѣропріятіями, не очень шаборшили и даже карточки прислали къ Пасхѣ, а революціонеры, по меньше маркой, прислали анонимныя письма, — что изъ меня вышелъ-бы не плохой революціонеръ, когда-бы я у нихъ немножко подучился!"

Когда во Владивостокѣ начались кровавые безпорядки и пожары, я выѣхалъ на дорогу поддержать порядокъ и, не испрашивая ни у кого разрѣшенія, повернулъ нѣсколько эшелоновъ Оренбуржцевъ (слѣдовавшихъ на свои мѣста расположенія) во Владивостокъ для поддержанія порядка; они во время туда прибыли; исполнивъ въ точности свою задачу.

Въ Хабаровскѣ была получена телеграмма Главнокомандующаго, командировать меня во Владивостокъ, гдѣ смѣнить Начальника военныхъ сообщеній арміи, генерала барона Искуль фонъ Гильдебранта, въ завѣдываніи отправкой 200.000 запасныхъ изъ дѣйствующей арміи, моремъ, въ Одессу. На эту телеграмму, помощникъ больного командующаго войсками Округа, генералъ М. С. Андреевъ, донесъ, что въ столь тяжелое время нельзя оставить безъ меня Военный Округъ, но такъ какъ у меня была копія этой важной депеши, то я со встрѣчнымъ поѣздомъ повернулъ прямо на Владивостокъ къ барону, чтобы принять отъ него всѣ дѣла по указанной грандіознѣйшей перевозкѣ.

Бѣдняга сидѣлъ въ креслѣ своего номера, баронесса стояла около него съ плачущей собачкой. "Вотъ я послалъ телеграмму", говоритъ баронъ, "что, обалдѣвъ сего числа, отъ этой каторжной обязанности, нести службу больше не могу". Баронесса страшно обрадовалась, что я, подобравъ въ номерѣ всѣ валявшіяся бумажки, быстро удалился

прямо на Эгершельдъ. Тамъ ужъ бушевала растерзанная толпа тысячная, отъ которой, на пути изъ Харбина въ Пограничную, бѣжали всѣ офицеры, врачи и сестры милосердія. Я попалъ какъ разъ въ точку найбольшаго подъема рѣшимости сѣсть на причаленный къ берегу очередной зафрактованный пароходъ; кое-гдѣ мелькали въ звѣрской толпѣ нашивки бомбардировъ и наводчиковъ, болѣе подтянутыхъ и рослыхъ.

Толпы орали, что они "хочутъ" скорѣй домой, довольно ужъ ихъ обманывали и т. п. Я закричалъ, - "развѣ не знаете какіе у насъ пароходы?!... въ два винта... вдвое скорѣй дома будете.. что, я самъ буду Вамъ считать чайники, кипятильники, посуду, тюфяки переворачивать-?" Тутъ бомбардиры закричали: "молчи сволочь этакая, слушай, когда тебѣ дѣло говоритъ Начальство!" Настроеніе сволочи сорвалось. Я скомандовалъ, послать всѣхъ унтеровъ и фейерверкеровъ, — разставить и перечесть жестяные чайники, посуду, кружки, да и матрацы разложить по стелажамъ, да показать чайники крикунамъ, чтобъ видѣли съ чего чай пить придется. Мигомъ все было исполнено въ гробовой тишинѣ, а когда увидѣли блескъ родныхъ чайниковъ и новенькіе матрасы, то взрывъ "паакорнѣйше благодаримъ" прокатился по Эгершельду.

Мучился я съ этой транспортировкой около трехъ мѣсяцевъ. Передъ отходомъ парохода "Эдуардъ Регель", было устроено на меня покушеніе кого-то изъ пароходной команды, вѣроятно "просвѣтителя", назначеннаго революціонерами для ядовитой пропаганды на пути въ Одессу. Одинъ люкъ былъ нарочно задраенъ лишь брезентомъ, потухло электричество передъ моимъ проходомъ, я провалился въ трюмъ, подняли меня изъ трюма съ переломанными ребрами. Я лежалъ неподалеку въ вагонѣ, тогда только меня перевезли въ Хабаровскъ, когда я закончилъ всю отправку.

Наступившее перемиріе закончилось расформированіемъ всего того, что было сформировано на время этой ненужной войны.

Генералъ Хорватъ и Начальникъ военныхъ сообщеній его раіона полковникъ Захаровъ, пальцемъ непошевельнувшіе во время этой разрухи противъ революціонеровъ, были награждены высшими чинами.

Я былъ назначенъ Начальникомъ военныхъ сообщеній Иркутскаго военнаго округа и, въ видѣ милости, мнѣ разрѣшили лѣченіе на Кавказѣ на четыре мѣсяца. Военнымъ министромъ уже былъ тотъже Редигеръ, который также внимателенъ былъ къ представленію меня къ производству, какъ онъ былъ черезчуръ внимателенъ, при поступленіи въ Академію и при выпускѣ меня изъ Академіи въ Генеральный Штабъ. Я не былъ забытъ имъ и во время моего лѣченія на Кавказѣ. Я былъ удивленъ извѣщеніемъ, что я, безъ моего желанія назначаюсь

командиромъ 104-го пѣх. Устюжскаго, Генерала Князя Багратіона полка, стоявшаго на границѣ съ Восточпой Пруссіей.

Въ Россійской арміи не было примѣра, чтобы при назначеніяхъ мирнаго времени, не запрашивали-бы согласія на предлагаемое назначеніе. Я даже не былъ и кандидатомъ на полкъ по той простой причинѣ, что подъ моей командой были уже бригады, блестяще выполнившія всѣ возлагаемыя на нихъ задачи въ военное время, отмѣченныя похвалой моихъ прямыхъ начальниковъ.

Я не выразилъ ни малѣйшаго намека на несправедливое ко мнѣ отношеніе. Послѣ несчастной войны, имѣвшей для насъ роковыя послѣдствія, лелѣемая мною государственная доктрина приняла болѣе ясныя и опредѣленныя очертанія.

Если бы Россія всегда имѣла, вполнѣ готовый къ бою могущественнѣйшій флотъ, съ центральной мощной базой, то она не только бы не обѣднѣла, но сберегла-бы большіе государственные рессурсы путемъ сокращенія войнъ до крайняго предѣла, а народныя массы получили-бы устойчивое просвѣщеніе, - лучшую прививку противъ революціонныхъ эпидемій.

Генералъ-отъ-Инфантеріи А. Ельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Александръ Тарсаидзе.

IV.

САЙМОНЪ ЛЭКЪ — ДРУГЪ РОССІИ.

23 іюня 1945 г., въ городѣ Бриджпортѣ, штата Коннектикутъ, скончался Саймонъ Лэкъ, "отецъ подводной лодки" и искренній другъ старой Россіи.

Скончался этотъ замѣчательный человѣкъ 78 лѣтъ отъ роду, достигши всемірной извѣстности, какъ первый строитель и изобрѣтатель современнаго подводнаго судна.

Многіе до него пытались построить подводную лодку, многимъ это и удалось, но усовершенствовать подводный корабль, выпало на долю С. Лэка. Его смерть поразила всю Америку, т. к. эта страна, многіе годы, привыкла видѣть этого энергичнаго человѣка, работающимъ по всѣмъ развѣтвленіямъ подводнаго строительства.

Еще недавно, несмотря на свои преклонные годы, Лэкъ приглашался, не разъ, въ Вашингтонъ, для консультацій по вопросамъ, связаннымъ со строительствомъ подводныхъ судовъ.

Къ сожалѣнію, наша русская колонія, и, въ частности, мы,

морскіе офицеры, не откликнулись во время на его смерть, а, вѣдь, онъ былъ первымъ, кто ввелъ усовершенствованную подводную лодку въ Россійскій Императорскій Флотъ.

Помимо этого, Лэкъ, до послѣднихъ дней своей жизни тяжко переживалъ паденіе Старой Россіи и какъ человѣкъ, проведшій въ ней 8 лѣтъ, искренне полюбилъ и страну, и народъ и нашъ флотъ.

Родился С. Лэкъ въ штатѣ Нью-Джерси, въ гор. Плезантвиль, въ сентябрѣ 1866 г.

Онъ происходилъ изъ старой американской семьи, переселившейся въ Америку изъ Англіи около трехъ вѣковъ тому назадъ.

Уже съ дѣтства, Лэкъ пошелъ по стопамъ своего отца, также изобрѣтателя. Его заинтересовало подводное судно. Прочтя у Жюль Верна о его капитанѣ Немо, *) Лэкъ серьезно приступилъ къ осуществленію своей идеи.

Подходитъ 1894 годъ и Лэку удается построить первую подводную лодку, которая была имъ названа: "Аргонавтъ".

Какъ это часто бываетъ, Американское Морское Министерство, не только не купило эту лодку, но обратилось къ другому изобрѣтателю по фамиліи Голландъ. которому и заказано первую лодку для своего флота.

Но, "отсталая Россія" сразу поняла достоинства именно лодки Лэка. Когда, въ 1901 году, Лэкъ построилъ улучшенный типъ подводнаго судна, названнаго имъ "Протекторъ", Русское Морское Министерство сразу же его купило. Надо добавить, что Американцы забраковали и эту лодку. Одновременно Лэкъ прибылъ въ Россію, гдѣ и занимался подводнымъ дѣломъ.

Подошла Русско-Японская война 1904-05 г.г. и мы видимъ Лэка уже въ Америкѣ, гдѣ онъ строитъ заказанныя ему Россіей лодки. Построить ихъ, было не такъ трудно, но доставить ихъ въ Россію, во время войны, было не легко. Японцы, основываясь на нейтралитетѣ Соед. Штатовъ, зорко слѣдили за работой Лэка и чинили всякія препятствія для отправленія лодокъ въ Россію. Но, къ счастью, хитрыхъ японцевъ удалось провести. Занялся этимъ нѣкій Чарлсъ Флинтъ, американскій дѣлецъ широкаго размаха. Любя Россію, онъ рѣшилъ помочь Русскому Флоту и, несмотря на всѣ затрудненія, ему удалось это сдѣлать. Шесть подводныхъ лодокъ были ночью погружены, на заранѣе зафрактованные пароходы, въ гавани Нью-Іорка и отправлены въ Россію. Ихъ доставили въ Либаву, откуда, часть изъ нихъ, по желѣзной дорогѣ, была отправлена во Владивостокъ. Если не ошибаюсь, въ Россіи онѣ получили названія: "Протекторъ", "Фельдмаршалъ Графъ

---

*) Интересно отмѣтить, что Жюль Вернъ, былъ первымъ пославшимъ Лэку поздравительную телеграмму.

Шереметьевъ", "Касатка" и др. (Интересно добавить, что тотъ же Ч. Флинтъ, по порученію нашего Морского Министерства съумѣлъ блокировать продажу Чилійскихъ и Аргентинскихъ крейсеровъ Японіи и Турціи въ 1904 году. Это мало извѣстная исторія).

Японія подняла невѣроятный шумъ, обвиняя Соедин. Штаты въ нарушеніи нейтралитета. (Тогда война еще шла и Портъ-Артуръ не былъ взятъ). Но было поздно, подводныя лодки Лэка уже гордо несли Андреевскій флагъ. Прошли годы, наступила война 1914 г., а за ней и "безкровная". Россійской Имперіи не стало. Старику Лэку, какъ это часто бываетъ здѣсь, въ Америкѣ, тоже не повезло. Продолжая работать надъ своими изобрѣтеніями и улучшеніями въ дѣлѣ подводнаго строительства, Лэку не хватило капитала. Въ результатѣ, знакомая картина, — его домъ, гдѣ онъ провелъ столько счастливыхъ дней, пошелъ съ торговъ. (Надо добавить, что почти все свое состояніе, С. Лэкъ истратилъ на попытку поднять съ грунта р. Гудсонъ, англійскій фрегатъ "Гусаръ", затонувшій въ 1780 г. съ грузомъ золота въ 5 милліоновъ долларовъ. Попытка эта не удалась). Случайно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ попалась книга, озаглавленная "Подводная лодка". Авторъ ея — С. Лэкъ. Въ этой книгѣ, къ моему удивленію, я прочелъ нѣсколько строкъ, касающихъ нашего флота. Факты были явно искажены. Ввиду этого, я рѣшилъ написать С. Лэку письмо съ протестомъ.

Надо сказать, что за день до отправленія моего протеста, я помѣстилъ, въ газетѣ "Нью-Іоркъ Херальдъ Трибюнъ, письмо, указывая на дружескія отношенія Россіи и Америки.

Вотъ эта статья и текстъ моего письма С. Лэку.

Tribune, Thursday, September 21, 1939

RUSSIAS'S MEN OF WAR

United States Has Supplied Her With Several

To the New York Herald Tribune:

The Dies committee's investigation of the Soviet government's battleship orders brings to mind a forgotten fact: that the Russian Imperial government, aside from having traditional bonds of friendship with the United States, has looked to America, for many years, as a nation which has supplied warships for the Russian Navy For instance, about one hundred years ago, in 1837, Emperor Nicholas 1 sent a large commission to New York headed by the foremost Russian experts. This commission, which stayed here until 1840, ordered the first steamer frigate (paddle), Kamchatka. This warship which was built for the Russian Navy, and became a prototype of this kind in Russia.

In 1856 Admiral Shestakoff arrived in New York and ordered

what was then a formidable warship, which was launched in 1858. This vessel crossed the ocean to Cherbourg in twelve days, which was then an unprecedented crossing. In 1857 and 1858 Russia ordered from the firm of Webb & Co., a corvette, and a naval transport. In the early 60's Admiral Lessovsky came to this country with a large commission to study the American monitors. The result of their visit was the building in Russia of several monitors of this kind.

In 1877 Russia purchased from America four iron steamers, which became the nucleus of the Russian Volunteer Fleet. At the close of the last centlury Philadelphia Cramp's, a shipbuilding firm, launched two warships for the Russian Navy: the battleship Retvisan and the famous cruiser Variag—the first warship to be sunk in the Russian-Japanese War.

In 1916 and 1917 Russia purchased several sub chasers, as well as armed yachts for the patrol if the north coast of Russia. It is also interesting to mention that the famous Admiral Makaroff visited America several times in conjunction with the warship building.

In conclusion, I would like to mention Simon Lake's contribution to the building of Russian submarines. He personally brought to Russia several of his submarines, which saw active service as late as the World War.

I thought this information might be of interest to you and your readers.

ALEXANDER TARSAIDZE

New York, Sept. 19, 1939

September 22, 1939

Dear Mr. Lake:

I take pleasure in sending you a copy of article I wrote which appeared in the New York Herald Tribune. You will notice your name mentioned, as all we former officers of the Russian Imperial Navy remember the service you rendered our country by building your submarines.

At the same time, I would like to tell you that I read your book; and must regretfully add that certain passages in which you described the dishonesty of certain Russian officials were very unpleasant to me. No matter how bad the old government was, it is perfect compared to all other European governments today!

I firmly believe your experiences were unfortunate exceptions.

Yours very truly,
ALEXANDER TARSAIDZE

Прошелъ почти годъ и въ отвѣтъ я получилъ письмо отъ С. Лэка. Вотъ, что онъ мнѣ писалъ:

Dear Mr. Tarsaidze:

Referring back to the kind letter you wrote me on Sept 22, 1939.

I ran across this letter in going through a lot of mail which had accumulated during my absences from my office, together with a penciled reply which I wrote you shortly after receiving your letter, but as my secretary was away at the time I did not have it typed and it became mislaid. It reads as wollows:

Dear Mr. Tarsaidze:

Replying to your letter of Sept. 22.

I looked through the book "Submarine" in the effort to locate "certain passages in which you described the dishonesty of certain Russian officials" but was not able to locate any such passages.

As a matter of fact I did not write the book— it was written by Mr. Herbert Corey after various interviews with me. The publishers engaged him to write it with the idea of making it what they call a "human interest story."

It tells very little about submarines, and as a naval officer I think you would be much more interested in reading my book "The Submarine in War and Peace," published by J. B. Lippincott & Co. of Philadelphia in 1918, which does tell quite a bit about submarines.

I wrote this book myself, and had in mind writing my own autobiography, and may do so later. When the publishers approached me I told them that I was not ready to have my autobiography published as I had not yet accomplished one quarter of what I hoped to do in submarines.

I especially regret that there is anything in the book that appears to criticize the honesty of any Russian naval officers. In my seven years' experience there I never saw any signs of dishonesty among any naval officers that I came in contact with, except in one instance that I recall, which was where a minor official at the Cronstadt naval base was not making the proper effort to expedite the cleaning and painting of one of our submarines — he said it would take two weeks and I told him it should be done in three or four days at the most—then one of my Russian acquaintances said if I would give him 500 Roubles to give to the dock manager the work could be pushed. I doubt if this dock manager would rank as a naval officer, and even he did not approach me direct so this attempt to "hold me up" may have been without his knowledge.

I kicked about the amount of time it was going to take and

went to the Minister of Marine about it, but did not say anything about the proposition that had been made to me. The Minister of Marine at that time was Admiral Biereloff. As I remember, he said "Mr. Lake, how long would it take to have that amount of work done in America?" I said not over 3 or 4 days. He asked me to meet him at the floating dock in Cronstadt at 10 o'clock the following morning, which I did. He arrived promptly in his yacht and had several officers of the dock present, and while I could not understand the conversation, I could see he was speaking pretty plainly to the dock master ,who stood all the while at attention. Finally the Admiral struck the man's hand down and gave some final instructions in an angry tone, and then turning to me he said. "Mr. Lake, this work will be completed and your submarine floated again tomorrow afternoon," and it was, and a good painting job was done all through, inside and outside the boat.

I had many interesting experiences in Russia and became very fond of the people there, and the only thing that caused me to leave the country when I did was the desire to build submarines for my own country and to have my children brought up in America.

I had many friends in Russia and whenever I was called upon to tell about my experiences there on my return home, never failed to stress the fact that the Russians were the most kindhearted people I ever met. I was there during some of the early revolutionary movements instigated by the Anarchists, Nihilists, The Black Hundred and other agitators. I remember one of the revolts at Libau and Cronstadt, which was practically a mutiny, and the only punishment given the mutineers was to make them stand facing a building for three hours with their guns on their shoulders.

I have always said that Russia and the Russian people were being continually misrepresented by lying propaganda, and wrote our Congressmen and Senators to that effect when one of the treaties between the United States and Russia was abrogated some time after the Russian-Japanese War because of certain restrictions placed on the Jews.

I have always believed that it was this kind hearted treatment of these agitators which eventually caused the downfall of the Czarist regime.

Of course, there were many social customs that were quite different from the Puritanical customs under which I had been brought up, but the majority of the people seemed to be genuinely happy and contented as far as I could judge, even though they had no luxuries.

Let me again express my regrets that you or any of my Rus-

sian friends should have the impression that I implied the Russian officers of the old regime were dishonest. I think all Americans of my age remember Russia as a friend of the United States for over a hundred years, and the Russian government always had the reputation of I living up to its commitments.

Yours sincerely,

Simon Lake.

Когда я прочелъ это письмо, я все понялъ. Дѣйствительно, въ лицѣ Саймона Лэка, мы потеряли большого друга Старой Россіи.

Да будетъ ему земля пухомъ.

IУ. АДМИРАЛЪ ГРИНЪ*)

I

— Я вполнѣ расчитываю на васъ, адмиралъ, что вы приведете мнѣ въ порядокъ этотъ городъ. Эта Южная Пальмира, какъ любятъ у насъ называть Одессу, начинаетъ себя плохо вести и нуждается въ болѣе строгомъ и энергичномъ правителѣ, нежели вашъ предшественникъ. Я рѣшилъ остановить свой выборъ на васъ, ибо, какъ мнѣ хорошо извѣстно, вы, въ полной мѣрѣ, обладаете всѣми качествами для наведенія въ кратчайшій срокъ порядка въ этомъ важномъ пунктѣ Имперіи.

— Постараюсь оправдать довѣріе Вашего Величества, — проговорилъ адмиралъ Гринъ слегка осипшимъ голосомъ стараго моряка, наклонивъ почтительно сѣдую, коротко стриженную голову; длинный рядъ тѣсно насаженныхъ на колодку орденовъ и медалей качнулся, и, чуть слышно, звякнулъ у него на груди.

— Я уже говорилъ о васъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ,— продолжалъ Государь: — сегодня вечеромъ онъ привезетъ мнѣ на подпись указъ о вашемъ назначеніи. Какъ скоро можете вы выѣхать?

— По первому приказанію Вашего Величества. Сборы моряка не долги, даже и такого стараго, какъ я.

— Ну, что вы, адмиралъ, вамъ ли говорить о старости! — любезно улыбнулся Государь: — кончайте ваши дѣла въ столицѣ, и о днѣ

---

*) Событіе, послужившее фабулой настоящаго разсказа, — фактъ историческій, имѣвшій мѣсто въ Одессѣ, въ царствованіе Царя Мученика Николая II въ началѣ текущаго столѣтія. Имена дѣйствующихъ лицъ, конечно, вымышленныя. (Прим. автора).

выѣзда сговоритесь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Отъ него же получите необходимую информацію и инструкціи.

Легкимъ наклономъ головы Государь далъ понять, что аудіенція кончилась, и, когда адмиралъ Гринъ поднялся съ кресла, протянулъ ему руку, которую старикъ почтительно пожалъ, и, отвѣсивъ глубокій поклонъ, вышелъ изъ кабинета.

Въ обширной комнатѣ, смежной съ кабинетомъ Императора, онъ увидѣлъ сидѣвшую въ креслѣ, въ выжидательной позѣ, маленькую, худощавую фигуру морского министра, съ объемистымъ портфелемъ на колѣняхъ. Онъ что-то говорилъ, въ полголоса, почтительно склонившемуся передъ нимъ дежурному флигель - адъютанту, очень моложавому красивому полковнику Кавалергардскаго полка. Увидѣвъ выходящаго изъ Государева кабинета адмирала Грина, министръ, съ удивленіемъ, поднялъ на него глаза, и, поднявшись съ кресла, сдѣлалъ ему навстрѣчу нѣсколько шаговъ, въ то время какъ флигель-адъютантъ, мягко позванивая шпорами, торопливо направился въ кабинетъ Императора.

— Въ чемъ дѣло, Иванъ Александровичъ? — полушопотомъ спросилъ министръ, подходя къ Грину и протягивая ему руку. Въ голосѣ министра, Грину послышалась тревожная нотка. "Уже боишься, не кандидатъ ли я на твой постъ", - подумалъ онъ насмѣшливо.

— Въ Одессу, Ваше Высокопревосходительство, градоначальникомъ, — лаконически отвѣтилъ Гринъ.

— Наводить порядки? — улыбнулся успокоенный министръ и хитро подмигнулъ глазомъ.

Гринъ не успѣлъ ему отвѣтить, какъ дверь кабинета снова открылась и появившійся оттуда флигель-адъютантъ громко сказалъ:
— Его Величество проситъ морского министра.

Лицо министра сразу приняло серьезное выраженіе, и, онъ, махнувъ рукой Грину, быстро зашагалъ къ кабинету, отстегивая на ходу застежки своего портфеля. Гринъ тронулся дальше.

У подъѣзда дворца его ожидала маленькая придворная карета, запряженная парой выхоленныхъ вороныхъ коней, въ англійской сбруѣ, съ подрѣзанными, какъ у фоксъ-терьеровъ, подъ самый корешокъ, хвостами. На высокихъ козлахъ, вытянувъ впередъ ноги, затянутыя въ гетры, сидѣлъ кучеръ въ алой ливреѣ съ пелеринкой, обшитой широкимъ золотымъ басономъ съ черными орлами, въ сильно скошенной на правый бокъ, надѣтой по наполеоновски, треуголкѣ, удерживаемой на головѣ подбородочнымъ ремнемъ. Пожилой, толстый, съ бритымъ лицомъ, швейцаръ открылъ дверцу кареты, почтительно подсадилъ адмирала, быстрымъ и ловкимъ профессіональнымъ движеніемъ перехватилъ свободной рукой скомканную трехрублевую бумажку, сунутую ему Гриномъ, и, захлопнувъ дверцу, бросилъ кучеру густымъ

басомъ — "трогай". Рѣзвые кони съ мѣста взяли крупной рысью, и, шутя, повезли легкую каретку къ настежь раскрытымъ широкимъ воротамъ дворца, гдѣ стояли выкрашенныя косыми, бѣло-желто-черными полосами будки часовыхъ. Два огромныхъ кирасира, въ длинныхъ, до пятъ, шинеляхъ, перетянутыхъ бѣлыми ремнями, въ блестящихъ каскахъ, выбросили, одновременно, впередъ правыя руки съ обнаженными палашами, беря "на караулъ". Гринъ поднялъ къ треуголкѣ руку въ бѣлой перчаткѣ и карета выѣхала изъ дворцовыхъ воротъ.

II.

Адмиралъ Гринъ былъ не въ духѣ. Принятыя имъ быстрыя и энергичныя мѣры для прекращенія забастовки рабочихъ на большомъ механическомъ и судостроительномъ заводѣ Кроне и Ко. — арестъ и высылка забастовочнаго комитета — не только не привели къ желанному результату, но вызвали, въ свою очередь, забастовку на сосѣднемъ заводѣ Руссудъ, и, въ довершеніе всего, по полученнымъ въ это утро въ градоначальствѣ свѣдѣніямъ, нависла серьезная угроза прекращенія работъ портовыми грузчиками.

Градоначальникъ только что отпустилъ блѣднаго и взволнованнаго управляющаго заводомъ Руссудъ, пріѣхавшаго къ нему съ докладомъ объ утреннихъ происшествіяхъ на его заводѣ и сидѣлъ одинъ въ своемъ обширномъ кабинетѣ, за огромнымъ письменнымъ столомъ, въ глубокой задумчивости постукивая карандашемъ по лежащей передъ нимъ кипѣ бумагъ. Яркое, южное солнце заливало потоками свѣта кабинетъ градоначальника, отражаясь въ натертомъ паркетѣ и блестящей полировкѣ письменнаго стола. Въ высокія окна открывался видъ на кипучую жизнь порта; а дальше, за низкимъ и длиннымъ моломъ, искрилось подъ горячими лучами солнца безбрежное море, съ тонко очерченной линіей горизонта, изъ одной точки котораго отчетливымъ завиткомъ стлался дымокъ парохода. Адмиралъ, задумчиво, слѣдилъ нѣкоторое время за причудливыми завитками далекаго дыма, затѣмъ, точно съ трудомъ, отвелъ взоръ отъ этой мирной картины, и, насупивъ сердито брови, нажалъ кнопку электрическаго звонка.

Въ дверь просунулась голова курьера. — Правителя канцеляріи, — сказалъ адмиралъ и принялся просматривать лежащія передъ нимъ бумаги, дѣлая помѣтки на поляхъ крупнымъ размашистымъ почеркомъ, жирно надавливая синимъ карандашомъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь раскрылась вновь и пропустила человѣка среднихъ лѣтъ, въ изящно сшитомъ штатскомъ костюмѣ. Въ рукахъ его была папка съ бумагами. Это былъ правитель канцеляріи градоначальника. Неслышно ступая по ковровой дорожкѣ, онъ быстро направился къ письменному столу адмирала.

— Опять у васъ куча бумагъ, — сердито сказалъ адмиралъ, увидѣвъ въ рукахъ вошедшаго объемистую папку: — да вы меня утопить въ нихъ хотите, что-ли?

— Въ нашемъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, безъ этого не обойтись, Ваше Превосходительство, — мягко, слегка картавя, отвѣтилъ чиновникъ, и, подойдя къ столу, остановился въ выжидательной позѣ, слегка склонивъ на бокъ голову.

— Ну, давайте, что тамъ у васъ есть, да только поскорѣе, потому что мнѣ нужно ѣхать на заводъ Руссуда.

Правитель канцеляріи испуганно посмотрѣлъ на адмирала. — На заводъ Руссуда? — переспросилъ онъ: — вы бы постереглись, Ваше Превосходительство, на этомъ заводѣ, говорятъ, сегодня очень неспокойно. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, рабочіе тамъ, очень возбуждены...

— Вотъ потому-то я туда и ѣду, — отвѣтилъ адмиралъ: — ихъ директора и управляющіе слишкомъ слабонервны, чтобы спокойно разговаривать съ рабочими, когда у этихъ вожжа подъ хвостомъ.

— Не смѣю васъ отговаривать, Ваше Превосходительство, но все же позволю себѣ посовѣтовать вамъ взять съ собою надежную охрану. — Никакой охраны-съ, — отрѣзалъ адмиралъ: — я ѣду одинъ и прошу васъ распорядиться подать мнѣ, черезъ полчаса, экипажъ. Ну, что у васъ есть срочнаго? Какъ въ городѣ?

— Особенно срочнаго ничего. Если вы спѣшите, съ этими бумагами можно обождать до моего вечерняго доклада. А въ городѣ — опять большой скандалъ: сегодня, на разсвѣтѣ, въ меблированныхъ номерахъ "Черная Роза" обнаруженъ трупъ молодого Губина, сына крупнаго одесскаго купца, съ огнестрѣльной раной въ головѣ. По всѣмъ признакамъ самоубійство...

— Опять эта "Черная Роза" — стукнулъ адмиралъ кулакомъ по столу — это уже третій скандалъ въ этой гостинницѣ за мое короткое здѣсь пребываніе! Это не гостинница, а вертепъ какой то!

— Именно, Ваше Превосходительство: это, въ сущности вовсе не меблированныя комнаты ,а всѣмъ извѣстный въ Одессѣ домъ свиданій, содержимый нѣкоей м-мъ Блохманъ. Говорятъ, она, на этомъ дѣлѣ, составила себѣ крупненькій капиталецъ. Вашъ предшественникъ неоднократно грозилъ прикрыть это заведеніе.

— Ахъ, онъ уже грозилъ. Ну, а я его прикрою сразу, и, безъ предварительныхъ угрозъ. Вызовите ко мнѣ хозяйку этого учрежденія.

— Когда прикажете?

— Сегодня же, къ 3 часамъ дня.

Правитель канцеляріи молча наклонилъ гладко причесанную, съ замѣтной лысинкой, голову.

III.

Адмиралъ Гринъ ходилъ въ глубокой задумчивости по діагонали своего обширнаго кабинета, нѣсколько разставляя, по старой морской привычкѣ, ноги, и, заложивъ руки въ карманы черной форменной тужурки, на плечахъ которой тускло поблескивали широкіе погоны съ черными вице-адмиральскими орлами. Адмиралъ обдумывалъ рѣчь, которую онъ произнесетъ на созванномъ имъ, на этотъ вечеръ, совѣщаніи крупныхъ одесскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ.

Дверь неслышно раскрылась и въ образовавшемся высокомъ четырехугольникѣ появилась фигура дежурнаго чиновника. Фигура молча остановилась въ дверяхъ, ожидая, когда градоначальникъ обратитъ на нее вниманіе. Вотъ, адмиралъ круто повернулъ налѣво кругомъ и замѣтилъ стоявшаго у дверей чиновника.

— Что скажете? — спросилъ онъ недовольнымъ тономъ, досадуя, что прервали ходъ его мыслей. — Въ пріемной ожидаетъ и проситъ Ваше Превосходительство принять...

— Дама? — нетерпѣливо перебилъ градоначальникъ и вынувъ изъ жилетнаго кармана полухронометръ, взглянулъ на циферблатъ. Часы показывали безъ 10 минутъ 3.

— Такъ точно.

— Знаю. Пусть войдетъ.

Адмиралъ глубже засунулъ руки въ карманы, и, насупивъ брови, остался стоять, въ выжидательной позѣ, у своего письменнаго стола. Черезъ минуту, дверь въ кабинетъ вновь раскрылась и пропустила высокую женскую фигуру. Вошедшая была, среднихъ лѣтъ, хорошо сохранившейся женщиной, съ большимъ вкусомъ одѣтой. Темно-коричневый, безукоризненно сшитый tailleur облегалъ фигуру, стройности которая могла бы позавидовать молодая дѣвушка, въ мѣру короткая юбка позволяла видѣть маленькія, изящныя ножки, обутыя въ темно-коричненые же ботинки; такого же цвѣта небольшая шляпа не прикрывала высокаго бѣлаго лба; на слегка тронутомъ пудрой лицѣ, подъ ровными линіями бровей, блестѣли темные, немного прищуренные, близорукіе глаза.

Пока вошедшая неторопливыми шагами направлялась отъ дверей кабинета къ столу, у котораго стоялъ адмиралъ, этотъ успѣлъ осмотрѣть ее съ ногъ до головы, и, даже, замѣтить на вошедшей отсутствіе драгоцѣнныхъ украшеній, кромѣ небольшихъ жемчужинъ въ ушахъ. Вмѣстѣ съ вошедшей, по кабинету разлился тонкій запахъ дорогихъ духовъ.

—“Ишь, подлюга”, — подумалъ адмиралъ, нѣсколько обезкураженный внѣшностью появившейся передъ нимъ дамы, — онъ совершенно иначе представлялъ себѣ м-мъ Блохманъ: — “какъ одѣваться-

то научилась! Ну, да меня не проведешь", — прибавилъ онъ мысленно, и, суровѣе нахмуривъ брови, вынулъ руки изъ кармановъ тужурки и засунулъ ихъ въ карманы брюкъ.

— Извините, адмиралъ, что я васъ безпокою, — заговорила вошедшая, направляясь къ нему и нерѣшительно улыбаясь при видѣ враждебной позиціи градоначальника.

Адмиралъ медленно вынулъ лѣвую руку изъ кармана, и, прежде чѣмъ дама успѣла подойти къ нему, молча указалъ ей на одно изъ креселъ у письменнаго стола, не спуская съ нея пытливаго взгляда изъ подъ насупившихся бровей. Вошедшая подняла удивленно брови, и, нерѣшительно, опустилась въ указанное ей кресло.

— Я пріѣхала къ вамъ, адмиралъ, просить васъ за моихъ дѣвочекъ, — проговорила она, замѣтно робѣя и боязливо глядя изъ подъ удивленно приподнятыхъ бровей на суроваго моряка.

— За дѣвочекъ? — презрительно усмѣхнулся изъ подъ сѣдыхъ усовъ адмиралъ: — просить? Поздно-съ! Ибо я и васъ, сударыня, и вашихъ дѣвочекъ вмѣстѣ съ вами, рѣшилъ выслать отсюда въ 24 часа, а вашъ грязный притонъ приказать разнести по камешкамъ...

— Адмиралъ опомнитесь, что вы говорите?! — дама поднялась съ кресла, въ которое только что сѣла и стояла, теперь, выпрямившись, схватившись одной рукой за край стола, а другую положивъ къ сердцу, и, съ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ, смотрѣла на градоначальника широко раскрытыми глазами: — адмиралъ, я не понимаю...

— Да что вы все "адмиралъ" да "адмиралъ"! Я шестнадцать лѣтъ уже адмиралъ моему Государю и пріѣхалъ сюда по его порученію, чтобы очистить Одессу отъ осиныхъ гнѣздъ, вродѣ вашего!

— Адмиралъ, я еще разъ прошу васъ выбирать ваши выраженія! — въ голосѣ дамы послышались истерическія нотки, лицо ея было мертвенно блѣдно.

— Прошу васъ помолчать. когда говоритъ градоначальникъ! — повысилъ голосъ адмиралъ: — вы думаете я не знаю, что представляетъ собою вашъ притонъ? Дня не проходитъ, чтобы въ немъ не разыгрался бы скандалъ! Завлекаете молодыхъ дѣвушекъ! Развращаете молодежь! Доводите ее до самоубійства! А сами наживаете капиталы!..

— Да какъ вы смѣете говорить мнѣ это! — крикнула истерическимъ голосомъ дама: — я... я... я сегодня же, пошлю на васъ жалобу! Да, сегодня же... и... и не думайте, что я не найду на васъ управы! И въ 24 часа выѣдете отсюда вы, а не я! — мертвенно блѣдная, она вся дрожала мелкой дрожью.

— Что-съ? Жалобу? На меня? Вы? Я вижу, сударыня, что вы не просто преступница, а къ тому же еще и наглая преступница!.. Уходите!!.. сейчасъ же, — адмиралъ указалъ ей на дверь: — въ 24 часа! Приготовьтесь въ 24 часа покинуть городъ! — крикнулъ онъ ей вслѣдъ,

когда она, торопливо, почти бѣгомъ, направлялась къ выходу изъ кабинета.

Дверь хлопнула и адмиралъ остался одинъ.

— Какова штучка-то! — думалъ градоначальникъ, вновь быстро шагая по кабинету: — а видъ такой, что хоть сейчасъ на великосвѣтскій раутъ! И она же собирается на меня жаловаться! Вотъ я тебѣ пропишу сейчасъ, и тебѣ, и твоимъ дѣвушкамъ, и твоей "Черной Розѣ" жалобу..." и старикъ, рѣшительно, направился къ письменному столу.

Дверь кабинета снова раскрылась и въ нее просунулась голова дежурнаго чиновника.

— Ваше Превосходительство, — сказалъ онъ: — тамъ, въ пріемной, ожидаетъ аудіенціи еще одна дама.

— Кто тамъ еще и зачѣмъ? — спросилъ адмиралъ: — нельзя ли ее направить къ правителю канцеляріи? Я очень занятъ.

— Она говоритъ, что вы ее сами вызвали сегодня, къ тремъ часамъ дня. Это какая то госпожа Блохманъ.

— Что-о? — адмиралъ широко раскрылъ глаза: — какъ такъ, госпожа Блохманъ?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство. Вотъ ея визитная карточка: Сара Давидовна Блохманъ.

— Ничего не понимаю, — изумился адмиралъ: — кто же, въ такомъ случаѣ, былъ у меня только что въ кабинетѣ?

— Какъ, Ваше Превосходительство? Развѣ вы ее не знаете? Вѣдь это же была начальница Одесскаго Института княгиня Нарышкина.

На этотъ разъ, даже бронзовое отъ никогда не сходящаго загара лицо адмирала умудрилось поблѣднѣть.

— Какого же чорта вы не предупредили меня, что это — княгиня Нарышкина, когда докладывали о ея приходѣ? — закричалъ въ бѣшенствѣ онъ.

— Да вы же сами меня прервали, - обиженнымъ тономъ заявилъ чиновникъ, — и, когда я началъ вамъ докладывать, сказали, что знаете, приказавъ пропустить ее къ вамъ.

— Да, вы правы, — упавшимъ голосомъ проговорилъ старикъ, и, послѣ короткой паузы, прибавилъ: пошлите скорѣе, ко мнѣ наверхъ курьера, сказать моему человѣку, чтобы приготовилъ мундиръ, эполеты, ордена, однимъ словомъ — полную парадную форму. Я сейчасъ подымусь.

— А какъ же быть съ госпожей Блохманъ?

— Съ Блохманъ? Къ чорту! Гоните ее въ шею!

Чиновникъ повернулся, чтобы уйти.

— Слышите? Гоните ее въ шею! — закричалъ градоначальникъ

съ новымъ приливомъ бѣшенства, хотя чиновника уже не было въ кабинетѣ.

Черезъ полчаса, адмиралъ Гринъ, въ полной парадной формѣ, съ лентой черезъ плечо, сіяя золотомъ эполетъ и эмалью орденовъ, подъѣзжалъ къ высокому, старинному, съ колоннадами, зданію института. Выбѣжавшему изъ подъѣзда представительному, похожему на важнаго чиновника, швейцару, онъ передалъ свою визитную карточку для передачи начальницѣ института, и съ волненіемъ, сталъ ожидать приглашенія войти.

Но безпокойство его оказалось напраснымъ: вернувшійся черезъ минуту, швейцаръ почтительно доложилъ, что княгиня Нарышкина нездорова и принять адмирала не можетъ.

IV.

Министръ двора, высокій, сухой старикъ съ породистымъ лицомъ, съ длинными пушистыми усами, въ генералъ-адъютантскомъ сюртукѣ, доканчивалъ свой докладъ Императору.

— Есть у васъ еще что нибудь, графъ? — спросилъ Государь, когда министръ, получивъ резолюцію на послѣдней поданной бумагѣ, укладывалъ ее въ свой портфель.

— Не знаю, Ваше Величество, какъ и доложить вамъ, объ одномъ чрезвычайно странномъ происшествіи, о которомъ меня увѣдомили сегодня изъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Дѣло касается нашего Одесскаго градоначальника адмирала Грина.

— Въ чемъ же дѣло-то? — заинтересовался Государь.

— Происшествіе, Ваше Величество, такое странное, что я склоненъ думать, что старикъ Гринъ, въ Одессѣ, серьезно заболѣлъ умственнымъ разстройствомъ. Въ Вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи получено донесеніе Начальницы Одесскаго Института княгини Нарышкиной, въ которомъ она жалуется, что адмиралъ Гринъ угрожаетъ выслать въ 24 часа изъ Одессы ее, всѣхъ ея институтокъ, а самый институтъ разнести по камешкамъ.

— Что за чепуха! — воскликнулъ Государь: — не сошла ли съ ума сама княгиня Нарышкина? Не дальше какъ вчера, у меня на докладѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ не могъ нахвалиться одесскимъ градоначальникомъ, за то умѣнье, быстроту и тактъ, съ которыми ему удалось ликвидировать тамъ забастовку рабочихъ! Я не сомнѣваюсь, что тутъ кроется какое-то чудовищное недоразумѣніе.

— Но какъ быть съ княгиней, Ваше Величество? Она грозитъ прошеніемъ объ отставкѣ, если адмиралъ Гринъ будетъ продолжать градоначальствовать въ Одессѣ.

Подождите немного, — сказалъ Государь: — я сейчасъ переговорю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Черезъ минуту Императоръ держалъ у уха телефонную трубку:

— Петръ Аркадьевичъ, это вы?... Не знаете ли вы, что такое произошло въ Одессѣ между адмираломъ Гриномъ и начальницей тамошняго института княгиней Нарышкиной?... Что? Въ курсѣ дѣла? Почему же вы мнѣ не доложили объ этомъ вчера, во время вашего доклада? Только сегодня? Отъ него самого? Что же онъ вамъ пишетъ?

Затѣмъ, Государь долго слушалъ, не прерывая. Въ глубокой тишинѣ кабинета, до слуха замершаго въ неподвижности минстра двора доносилось лишь нѣжное гудѣніе мембраны телефона и тиканіе старинныхъ настольныхъ часовъ на столѣ Государя. Министръ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица Императора. Серьезное въ началѣ, оно, вдругъ, начало расплываться въ улыбку, и, наконецъ, Государь весело разсмѣялся въ телефонъ.

— Я ни минуты не сомнѣвался, что тутъ какое-то чудовищное и глупое недоразумѣніе, — сказалъ онъ въ трубку: — благодарю васъ, Петръ Аркадьевичъ. Я думаю, что намъ не будетъ стоитъ большого труда уладить этотъ конфликтъ. До свиданья.

Государь повѣсилъ трубку.

— Ну, вотъ, — повернулся онъ къ министру двора: — какъ я и думалъ, тутъ произошло глупѣйшее недоразумѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ только что получилъ отъ самого Грина письмо, въ которомъ тотъ подробно излагаетъ всю эту исторію. Оказывается, адмиралъ, не зная въ лицо княгиню Нарышкину, принялъ ее за какую-то Блохманъ, содержательницу тамошняго притона, которую онъ вызвалъ къ себѣ спеціально для разноса за очередной скандалъ, и, по ошибкѣ, вмѣсто этой самой Блохманъ, разнесъ княгиню. Ну, вы нашего адмирала знаете, и можете, конечно, себѣ представить, что онъ тамъ наговорилъ бѣдной княгинѣ. Государь снова весело разсмѣялся: — хуже всего въ этой исторіи то, что княгиня такъ обидѣлась, что когда, послѣ ея отъѣзда, недоразумѣніе разъяснилось, и, адмиралъ поспѣшилъ къ ней, чтобы объясниться и принести свои извиненія, то она не пожелала его принять. Но мы это поправимъ. Я совсѣмъ не желаю изъ за какой-то тамъ Блохманъ лишаться такого градоначальника, какъ адмиралъ Гринъ, или такой начальницы института, какъ княгиня Нарышкина.

Государь на нѣкоторое время задумался, и, нахмурившись, уставился въ одну точку стола. Но вскорѣ лицо его вновь просвѣтлѣло и онъ прибавилъ:

— Вотъ что, графъ: напишите адмиралу письмо и попросите его еще разъ съѣздить къ княгинѣ съ извиненіями, прибавивъ, что вы увѣрены, что теперь, она, навѣрное, его приметъ. Одновременно, напишите и княгинѣ ,и скажите ей, что мнѣ извѣстна вся эта печальная исторія, что я выражаю ей свое сочувствіе, и, прошу ее принять адмирала, выслушать его объясненія, и, понявъ старика, простить его.

Кн. Я. Тумановъ.

Ст. Лейт. Б. фонъ ЗОННЪ

V. ЗАМѢЧАНІЯ О СОСТАВЛЕНІИ ТАБЛИЦЪ И RAPID SOLUTION CHART.

Въ послѣднихъ двухъ номерахъ Морскихъ Записокъ было удѣлено вниманіе моимъ трудамъ въ области родного намъ штурманскаго дѣла, за что приношу Исторической Комиссіи и Редактору Морскихъ Записокъ мою искреннюю признательность.

Одновременно, въ цѣляхъ справедливости, я хотѣлъ бы отмѣтить, что мой трудъ почти на половину былъ раздѣленъ женой моей Мариной Николаевной, которая взяла на себя вычисленіе азимутовъ.

Въ настоящее время для расширенія таблицъ отъ широты 60° до 80° я заручился помощью члена нашего общества капитана 2-го ранга А. М. Чернушевича.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ я хочу повѣдать о зарожденіи идеи новыхъ таблицъ и ихъ осуществленіи.

Плаваніе на американскихъ грузовыхъ пароходахъ до начала этой войны было занятіе въ большинствѣ случаевъ довольно унылое, потому что образовательный цензъ соплавателей-офицеровъ былъ на очень низкой ступени. Такимъ образомъ только любовь къ морю держала меня на этой службѣ, а мысль пытливо работала въ поискахъ простыхъ способовъ нахожденія вычисленныхъ высотъ небесныхъ свѣтилъ, понятныхъ морякамъ не получившимъ даже элементарнаго математическаго образованія.

Я началъ съ вычеркиванія діаграммъ на каждыя 10 минутъ широты, по которымъ навигаторъ автоматически находилъ высоту и азимутъ, но закончилъ, сдѣлавъ рядъ діаграммъ для ограниченнаго числа градусовъ широты. Этими діаграммами пользовался авіаторъ F. J. Noonan (погибшій съ Amelia Earthart), когда онъ былъ штурманомъ у капитана Mouzika при первыхъ полетахъ черезъ Великій Океанъ на China Clipper (постройки И. Сикорскаго).

Громоздкость полнаго комплекта діаграммъ была бы не практична потому я ихъ оставилъ, продолжая работать надъ таблицами съ тѣмъ, что упрощенную діаграмму прочерчиваетъ самъ штурманъ, какъ это описано въ прошломъ номерѣ Морскихъ Записокъ.

Принимая во вниманіе мало мѣняющееся склоненіе нѣкоторыхъ звѣздъ, какъ отклоненіе отъ своей систематической работы надъ таблицами, начатой въ 1930 году, я занялся вычисленіемъ высотъ и назимутовъ для звѣздъ Альфа Orionis - Betelgeux; Вета Orionis - Rigel и Альфа Canis Maj. - Sirius.

Первыми были закончены таблицы для Sirius въ сѣверныхъ широтахъ отъ 0° до 50°, для каждыхъ 10′ широты. За склоненіе принято 16° 37′. 5 S. и дана поправка на измѣненіе каждыхъ 0′. 5 склоненія. Поправка на минуты часового угла получается прочер-

чиваніемъ одной лишь линіи на діаграммѣ.

Эти таблицы, такъ же какъ и мои основныя таблицы уже ранѣе описанныя, построены на томъ, что часовой уголъ является главнымъ аргументомъ вхожденія въ нихъ и насколько мнѣ извѣстно я являюсь первымъ принявшимъ это за базу для мореходныхъ таблицъ.

Получивъ права издательства (copyright) на свои таблицы и діаграмму въ 1936 году, я воспользовался стоянкой парохода въ Балтиморѣ и 18 августа 1936 года проѣхалъ въ Гидрографическое Управленіе въ Вашингтонѣ. Тамъ я просилъ помѣстить замѣтку на страницахъ Pilot Charts относительно изданной мною въ 1934-мъ году Navigator's Work Book, такъ какъ моя идея уже была подхвачена и удачно эксплоатировалась другими.

Въ Гидрографіи меня принималъ Lt. Commander John E. Gingrich (въ настоящее время онъ Captain и командиръ крейсера Pittsburgh, покрывшаго себя боевой славой). Онъ былъ знакомъ съ моей фамиліей по прежней моей перепискѣ съ Гидрографіей. Одной изъ причинъ моихъ писемъ была находка ошибокъ въ American Nautical Almanac за 1935 годъ.

Не успѣлъ я заговорить о своихъ таблицахъ, какъ Lt. Comm. Gingrich началъ показывать мнѣ новую работу надъ таблицами истинныхъ высотъ и азимутовъ, предпринятую Гидрографіей подъ номеромъ 213. Эти таблицы предназначались для цѣлыхъ градусовъ широты, съ тѣмъ, что поправка давалась на склоненіе и часовой уголъ свѣтила.

Когда въ отвѣтъ на это я показалъ свои таблицы съ помощью которыхъ получается высота свѣтила для счислимаго мѣста, Lt. Comm. Gingrich былъ настолько заинтересованъ, что привелъ начальника Гидрографіи Captain L. R. Leahy. Послѣ демонстраціи работы съ моими таблицами Captain объявилъ, что я являюсь ихъ конкурентомъ, а Lt. Comm. Gingrich призналъ мой способъ лучше, такъ какъ рѣшеніе получается для счислимаго мѣста.

Сразу по окончаніи моего доклада Captain Leahy, къ намъ подошелъ ст. лейтенантъ летчикъ, фамилію котораго я не запомнилъ. Меня попросили демонстрировать вновь прибывшему офицеру мои таблицы для звѣзды Sirius и моментальное полученіе высоты и азимута по часовому углу. На это ст. лейтенантъ сказалъ, что онъ только полъ часа тому назадъ объяснялъ ученикамъ - летчикамъ сложную работу при помощи звѣзднаго времени и прямого восхожденія, въ то время какъ съ помощью моихъ таблицъ такъ легко обойтись безъ нихъ.

Результатомъ моего визита въ Гидрографію было добавленіе къ новымъ ихъ таблицамъ н. о. 213 таблички составленной Mr. E. B. Collins для приведенія высотъ къ счислимой широтѣ и новыя таблицы, первый томъ которыхъ (Vol. IV) вышелъ въ 1938, получили № 214. Эти таблицы теперь очень популярны, хотя и занимаютъ 7 томовъ.

20 іюля 1945 г. **Б. фонъ ЗОННЪ.**

VI.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. НОВЫЯ КНИГИ И СТАТЬИ.

А. ЧЕРНУШЕВИЧЪ

U. S. Navy Hydrographic Office
H. O. Publication № 122 Y

Sailing Direction for Sakhalin Island and adjacent mainland coast from Mys Aleksandra to Mys Belkina including the Amur River. March 1945.

Наше Гидрографическое Управленіе на дняхъ опубликовало Лоцію Сахалина, прилегающаго побережья Сибири отъ мыса Александра до мыса Бѣлкина и рѣки Амуръ.

Составленіе и опубликованіе Лоцій и картъ является прямой функціей Гидрографическаго Управленія, и не это обстоятельство остановило наше на себѣ вниманіе.

Знаменательнымъ является тотъ фактъ, что вышеупомянутая лоція цѣликомъ составлена русскимъ Морскимъ Офицеромъ, членомъ нашей маленькой каютъ-компаніи въ Вашингтонѣ — Старшимъ Лейтенантомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Миклашевскимъ (M.S. Kissell, Scientist, Haut.) — случай едва-ли не единственный за все время существованія Русскаго Флота.

Матерьяломъ для лоціи послужили русскія, англійскія и японскія изданія и другіе, имѣющіеся въ распоряженіи М. С. документы.

Не стоитъ и добавлять, что весь новѣйшій матерьялъ использованъ полностью.

М. С. блестяще справился съ поставленной передъ нимъ задачей и эта лоція простотой, ясностью и точностью изложенія выгодно отличается отъ многихъ, если не отъ всѣхъ, изданій этого порядка и, что не менѣе важно, — написана прекраснымъ англійскимъ языкомъ.

По условіямъ военнаго времени книга выпущена въ нѣсколько ускоренномъ порядкѣ, хотя, это обстоятельство нимало на ней не отразилось.

Общее описаніе Сахалина и бассейна рѣки Амуръ по краткости, ясности и въ то же время полнотѣ свѣдѣній можетъ служить образцомъ для любого учебника географіи.

Составителю, помимо спѣшности, пришлось преодолѣть немало трудностей — прежде всего неполнота и неясность источниковъ, происходящая отъ поверхностнаго изученія даннаго района и недостаточность имѣемыхъ свѣдѣній. Это касается не только англійскихъ или японскихъ источниковъ, но и русскихъ.

Русскія имена и названія были перепутаны и искажены до неузнаваемости, нужно только представить себѣ во что онѣ обращались въ японской, а затѣмъ англійской транскрипціи, или англійскія въ русской, японской, и опять въ англійской.

Возьмемъ, напримѣръ, англійское названіе "Drum Head" на русскихъ картахъ появляется какъ "Дромъ Хеадъ", а затѣмъ переводится на англійскій языкъ какъ "Drom Khead", или "Jack I" на русскихъ картахъ переводится какъ "О. Джекъ", а затѣмъ на англійскихъ какъ "Dzhek I".

Подобныхъ примѣровъ можно привести множество.

Но едва ли не большія затрудненія встрѣтились при пользованіи совѣтскимъ матерьяломъ.

Хотя въ "Наставленіи по составленію и изданію Морскихъ Лоцій", изд. Г.У. В.М.Ф. СССР, 1942, и указывается, что "каждая фраза лоціи должна быть отработана такъ, чтобы она ни въ коемъ случаѣ не допускала двойственнаго толкованія и не вызывала никакихъ сомнѣній" и "къ раздѣламъ лоціи предъявляются требованія уставной ясности, точности и крайности". (стр. 5, § 7).

Очевидно это требованіе вызвано необходимостью борьбы со страстью къ нагроможденію безсмысленныхъ фразъ.

Тамъ же въ § 8 сказано — "Лоція должна быть доступна очевидно, пониманію, каждому судоводителю, изложена просто и понятно безъ примѣненія несвойственныхъ обычному морскому языку терминовъ и выраженій и не содержать длинныхъ и трудно читаемыхъ фразъ".

Къ сожалѣнію всѣ, или почти всѣ совѣтскія лоціи этими качествами и отличаются. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что М. С. пришлось, почти весь имѣемый русскій матерьялъ переводить съ совѣтскаго на русскій языкъ, а затѣмъ уже на англійскій.

Впрочемъ, что-же можно требовать отъ составителей лоцій, когда въ самой инструкціи встрѣчаются слѣдующіе образцы "свободнаго и могучаго" русскаго языка — "Выпускъ Наставленія по составленію морскихъ лоцій вызванъ необходимостью соблюденія опредѣленной системы расположенія матерьяла и однообразія въ изложеніи текста при массовомъ изданіи ихъ Гидрографическимъ Управленіемъ В. М. Ф."

Тамъ же на стр. 6 — "названіе транскрибрированное на русскій языкъ" или "трансирибрированіе иностранныхъ названій..."

На стр. 7. — "Лоція должна быть построена по слѣдующей типовой схемѣ..."

Тамъ же — "Собственно Лоція состоитъ изъ общаго обзора — охватывающаго всю описываемую въ данной лоціи акваторію..."

Стр. 11 — "ознакомленіе съ режимомъ плаванія". Стр. 12— "водная акваторія".

Не понятно такъ же, почему въ терминологію введено слово "пира" — по англійски это будетъ "pier", но почему оно принято во множественномъ числѣ?

Вмѣсто стараго термина "затонувшее судно", введенъ терминъ "вренс". Почему?

На страницѣ 13 встрѣчается выраженіе довольно трудно понимаемое — "насыщеніе района средствами навигаціоннаго оборудованія", а на стр. 16 — "крѣпкій историческій очеркъ гидрографическихъ изслѣдованій составляется по усмотрѣнію автора съ учетомъ наилучшаго воспріятія изложеннаго матерьяла".

Встрѣчались и другія затрудненія. Такъ, напримѣръ, наши "географы" постановили раздѣлить Татарскій проливъ на собственно Проливъ и Татарскій заливъ, основываясь на старинныхъ явно ошибочныхъ данныхъ. Конечно, въ данномъ случаѣ никакіе доводы не помогли.

Вполнѣ возможно и то, что нѣкоторыя русскія имена и названія помѣщены въ опредѣленно неправильномъ переводѣ по настоянію того же учрежденія.

Но, какъ общее правило, всѣ русскія названія провѣрены и исправлены, что само по себѣ представляетъ тяжелый и кропотливый трудъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ съ этими, такъ и со многими затрудненіями М. С. справился блестяще и мы вправѣ гордиться тѣмъ, что впервые американская лоція написана русскимъ офицеромъ и наша обязанность сохранить, какъ самый фактъ, такъ и имя автора для будущаго.

ИЗДАНІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ.

1) **"Морскія Записки"**, томъ I, 1943 г. въ пяти выпускахъ, 164 стр. съ 13-ю иллюстраціями. (Фотографіи, планы, карты и факсимиле). Цѣна съ пересылкой $2.50. (осталось нѣсколько годовыхъ комплектовъ)

2) **"Морскія Записки"**, томъ II, 1944 г. въ четырехъ выпускахъ, 327 стр. съ 15-ю иллюстраціями. Цѣна годового комплекта съ пересылкой $4.00.

3) **"Морскія Записки"**, томъ III, 1945 г. въ четырехъ выпускахъ. Подписная цѣна на годъ $3.00 съ пересылкой. Вышли изъ печати: Вып. 1-й, 48 стр. 2 иллюстр.; Выпускъ 2-й, 60 стр. съ 5 иллюстр. Выпускъ 3-й, 50 стр. съ 3 иллюстр. Цѣна отдѣльнаго выпуска $1.00 съ пересылкой.

4) **Юбилейный выпускъ.** Къ 20-тилѣтію О-ва быв. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк. (1923-1943 г.г.) 80 стр. съ 8-ю иллюстр. на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна съ пересылкой $1.25.

5) **Бюллетени** Общества быв. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ, Инк. за 1944 и 1945 г.г. 4 выпуска въ годъ. Посылаются безплатно подписчикамъ "Морскихъ Записокъ", изъявившимъ желаніе ихъ получать. Вышли: за 1944 г. 4 вып. 19 стр.; за 1945 г. № 1, 12 стр., № 2, 6 страницъ, № 3, 13 страницъ.

6) **Морской Корпусъ за четверть вѣка.** 1901-1925 г.г. Съ приложеніемъ списка воспитанниковъ. Цѣна $1.50 съ пересылкой.

7) **Описаніе дѣйствій Гвардейскаго Экипажа** на сушѣ и на морѣ въ войну 1914-1917 г.г. Гв. Эк. Стар. Лейт. баронъ Г. Н. Таубе. Оттискъ изъ "Морскихъ Записокъ" т. II, № 3. 35 стр. съ 4 иллюстр. Цѣна 50 сентовъ съ пересылкой.

Имѣются на складѣ въ библіотекѣ Общества:

8) **"Съ Береговъ Америки"**. Юбил. Истор. Сборникъ. 1923-1938 г.г. Изданіе О-ва б. Рус. Морск. Офиц. въ Америкѣ. Кн. 58 Зар. Морск. Библіотеки. 356 стр., 21 иллюстр. Тип. "Либрисъ", Ревель, 1939 г. Цѣна съ пересылкой 3$3.50.

9) **Л. М. Савеловъ-Савелковъ.** Изъ исторіи Донского Казачества. Изданіе Рус. Историко-Родосл. О-ва въ Нью Іоркѣ. 40 стр. (8½x11), съ 2 портр. (напечатано на ротаторѣ) 1941 г. Цѣна 50 с. съ пересылкой.
